

Время на ладонях

Проза «Контакта»

Новокузнецк
2020

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Время на ладонях

Проза «Контакта»

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
«Ник без Company»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В81

В81 **Время на ладонях** : проза «Контакта» / составитель –
Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.
Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Company, 2020. – 80 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Новая книга прозы «Контакта». Старые и молодые члены КЛФ
«Контакт» – с рассказами и отрывками из романов и повестей.

Семён АГЕЕВ

Праздник Светлячков
Из повести «Воин без сожалений»

– Пора.

– Я уж думал, мы никогда не отправимся! Нельзя было сразу сказать: «Мы ждём заката»?

– Прости, я думала, ты догадаешься, что всё пройдёт ночью. Не зря ведь его назвали Праздником Светлячков.

– Ладно, ты права... Показывай дорогу. Далеко идти?

– Пешком два часа.

– Издеваешься?..

В ответ – только негромкий смехок.

– Это ещё не все сюрпризы. Тебя сегодня их очень много ждёт...

– ...Если я успею до них вовремя доползти.

«Да перестань жаловаться! Ты ведь поедешь верхом!..» Я чуть в обморок не упал, когда, широко улыбнувшись, Принцесса обернулась волчицей со светло-коричневым мехом. Присев на передние лапы, она выжидающе уставилась на меня своими ярко-синими глазами.

«Слышишь меня?» – пронеслось в моей голове. Оказывается, моя спасительница тоже умеет устанавливать мысленные связи. Мне бы очень не хотелось, чтобы она видела ВСЕ мои мысли и воспоминания.

Очнувшись от удивления, я неуклюже взобрался к ней на спину.

«Сядь выше, на плечи, – скомандовала дева. – Не цепляйся за шерсть, больно, лучше обними за шею. И пригнись ниже – бегаю я быстро».

Выпрямившись, Принцесса взяла такой разгон, что у меня уши заложило от встречного ветра. Не уверен, удастся ли мне подыскать подходящее сравнение для этого ощущения. Нестись сквозь древний лес на спине огромной волчицы, утопая в её мехе, – неописуемо! Езда на самой быстрой и норовистой лошади покажется степенной прогулкой по сравнению с этим.

Спустя несколько минут, показавшихся мне вечностью, я кубарем скатился с мохнатой спины и распластался в траве, стараясь перевести дух.

– Что, неужели не понравилось? – хищно, но игриво ухмыляясь, спросила Принцесса, подавая мне руку. – Тебе ведь предстоит так весь лес со мной объехать, сам ведь просил.

– Ну и где же все? Где еда? Музыка? Танцы?..

– Я специально остановилась чуть в стороне от поляны, чтобы не врываться туда в облике волчицы, да ещё с тобой на спине. Если сделаю так, что обо мне подумают?..

– Не верю, что тебя это так уж волнует.

– И правильно. Идём. Слышишь, они уже начали праздновать.

Сквозь листву слышалась весёлая и светлая музыка, крики на незнакомом шипящем языке и смех. Через мгновение моим глазам предстало самое необычное зрелище из всех возможных в этом мире. На огромной круглой поляне под небом, полным сверкающих звёзд, были кольцами расставлены низенькие – в полтора раза ниже обычного – деревянные столы. Над каждым – небольшой масляный стеклянный фонарик. Вокруг сновало множество низких, с десятилетнего ребёнка, человечков, одетых в льняные рубахи, штаны и платья, украшенные пёстрым шитьём. Они смеялись, танцевали под музыку, что играли такие же коротышки на деревянных подмостках в самом центре поляны, пили вино из глиняных стаканов, ели... Внутреннее зрение показало мне странных существ, смешавшихся с низкорослой толпой. Что-то вроде ходячих деревьев вдвое выше меня, неспешно пьющих воду из вёдер, заменяющих им стаканы, прозрачные силуэты, парящие меж столов, сверкающие лоснящейся шерстью животные всех размеров и форм... Всего разнообразия духов, пришедших на праздник, невозможно описать человеческими словами.

Между тем ближайшие к нам духи заметили хранительницу чащи и приветливо загомонили и замахали конечностями. Но когда мы подошли поближе, они рассмотрели и меня. Сразу же кто-то постарался протолкаться сквозь толпу подальше, кто-то начал тыкать в меня пальцем, махать стаканами, а кто-то даже попытался напасть, стремясь защитить свою Принцессу от опасности. Коротышки затараторили на своём странном шипящем наречии, стараясь понять, что на их празднике делает человек.

– Это мой гость, – спокойно ответила им Принцесса. Её голос раскатился по всей поляне, заставив каждого духа обернуться в нашу сторону. – Он пришёл, чтобы попытаться понять нас и научить собратьев жить в гармонии с духами. Я доверяю ему. Давайте пустим его на наш праздник и покажем, как мы живём.

На поляне моментально воцарилась гробовая тишина. Ошеломлённые духи провожали меня взглядами, когда Принцесса тащила меня за руку сквозь их толпу к самому центру поляны. Когда мы, наконец, оказались там, она втащила меня на подмостки, где разместился небольшой оркестр из коротышек с музыкальными инструментами самых причудливых форм.

– Поприветствуйте же гостя, пришедшего с далёкого востока в поисках нашей мудрости и покоя наших лесов!

В ответ – тишина. Тысячи глаз уставились на меня, некоторые со страхом, некоторые с неприязнью, некоторые с интересом. С минуту я просто стоял под этими взглядами, стараясь найти хоть одну здравую мысль в моментально опустевшей голове. А потом моя спина сама собой согнулась в глубоком поясном поклоне. Я повторил этот жест четыре раза, поклонившись всем сторонам света, замерев в последнем. Прошло несколько секунд. А потом неожиданно вдалеке послышались громкий радостный вскрик и рукоплескания. А потом вся поляна громогласно подхватила приветствие. Огромные люди-деревья потрясали в воздухе своими вёдрами, размахивая широкими тёмно-зелёными бородами из мха, коротышки взбирались на столы, роняя угощения, махали руками и громко хлопали в ладоши, расплывчатые силуэты пустились в пляс, животные взвились на дыбы...

Я потонул в радостных криках, не решаясь распрявиться, пока не почувствовал ладонь Принцессы на своём плече. Выпрямившись и взглянув ей в лицо, увидел, что она широко улыбается. Спрыгнув с подмостков и подав ей руку, ощутил невероятное облегчение. Как будто с моей спины сдвинули тяжеленный камень, упавший с огромной высоты.

– Молодец, – шепнула дева, увлекая меня в гущу гомонящей толпы.

И я нырнул с головой в этот новый незнакомый мир. В компании Принцессы бегал меж столов, кивая приветливо улыбающимся широколицым коротышкам, играл со старыми древенями (ведь это именно они были теми самыми огромными ходячими деревьями) в игру «кто быстрее выпьет», танцевал на центральной площадке под незнакомую музыку с причудливо скачущей мелодией, отдыхал, сидя на скамейке в компании мерцающих расплывчатых силуэтов...

– *Шанг-рии приветствовать человек, предлагать лучший ягодный вино! Человек выпить с Шанг-рии!*

– *Я тоже рад приветствовать тебя. К сожалению, у меня нет имени, чтобы представиться.*

Ко мне подскочил шустрый коротышка с длинной седой бородой и приветливой улыбкой на широком лице. В его руках была огромная по его меркам стеклянная бутылка с прозрачным насыщенного красного оттенка вином. Протянув мне небольшую кружку, по форме напоминающую пивную, он наполнил её, а потом и свой маленький стакан.

– *Человек походить на Шан-гуу. Весёлый, совсем не походить на люди, что Шанг-рии видел походить в лес.*

– *Кто это – Шан-гуу?*

– Этот слово переводиться с наш язык, как защитница. Дух леса, что привести человек на праздник. Она защищать лес, и мы, её младшие братья, потому мы звать её Шанг-гуу... Пить, не стесняться. Шанг-рии сам приготовить это вино, Шанг-рии – винодел племя Киш-таа, что жить к северо-запад от здесь.

Вино оказалось кисло-сладким, с пряным вкусом ягод и каких-то трав. Оно было не очень крепким – чтобы как следует напиться, мне потребовалось бы выпить несколько бутылок, но было очень вкусным, гораздо лучше, чем те сорта, что мне довелось попробовать в Западной крепости. Может быть, я был под впечатлением от праздника – вот оно и показалось таким вкусным. Скорее всего, я просто не разбираюсь в винах...

– Шанг-рии видеть, человек понравиться вино. Шанг-рии очень рад. За своя жизнь Шанг-рии понять, что хороший вино укреплять дружба. Шанг-рии жить уже семьсот лет, заниматься виноделье шестьсот восемьдесят три, много видеть за жизнь. Что заниматься человек? Что привести человек в лес?

– Я слышал множество историй о Древних Лесах и странных созданиях, обитающих здесь. Мне захотелось увидеть всё своими глазами. Я странствую по миру, стараясь понять, как он устроен. За свою жизнь я обошёл почти все земли нынешнего Императора, познал множество дивных вещей, но ваш праздник превосходит их все.

– О, Шанг-рии мечтать отправиться в путь и увидеть мир давным-давно... Но народ Шанг-рии привязан к лес, уйти дальше его пределы Шанг-рии не мочь. Многие духи в лес слышать, что на восток люди убивать наш братья. Шанг-рии удивлён и рад, что человек прийти в лес, чтобы понять нас.

– Я хотел спросить тебя. Почему вы приветствовали меня после того, как я поклонился? Если честно, я не ожидал, что меня примут так радушно.

– Духи – гостеприимный народ. Человек видеть, что мы все разный, но мы жить вместе, как одна семья. Мы научиться принимать любой странность. Кроме того, человек поклониться сторонам Земля. Уже две тысячи лет среди духи этот жест считается дань памяти Великий дух Земля. Человек отдать дань дух, убитый люди. Это сделать человек один из нас. Шанг-рии догадаться, что человек сделать жест случайно, потому и предложить человек выпить. Теперь Шанг-рии видеть, что Шан-гуу и другие духи не ошибиться в человек. Подать кружка сюда, Шанг-рии налить ещё.

– Ещё один вопрос. Где ты выучил наш язык?

– Шанг-рии учить древний язык духи и люди, чтобы усладить слух Шан-гуу. Она тосковать по речь свои братья, ушедшие во время Война.

Шанг-рии научиться у Шан-гуу множество слова, но речь Шанг-рии не настолько естественный, как у человек. Теперь сама Шан-гуу говорить совсем как раньше, Шанг-рии рад. Шан-гуу стать гораздо более живой... Должно быть, человек интересоваться быт и обычай народ Шанг-рии. Человек задавать любые вопросы, Шанг-рии постараться ответить, чтобы человек понять нас лучше и научить понимать другие люди.

– Спасибо, Шанг-рии. Если можно, я постараюсь записать всё, что ты скажешь.

– Что такое «записать»?..

В ту ночь я многое узнал о духах. Мудрый коротышка многое рассказал о своём народе. Он оказался очень похожим на мой, но всё же было одно существенное отличие. Лесной народ научился жить в гармонии с природой. Здешние племена были совсем не похожи на те озлобленные и грязные, что в последней попытке защитит свои родные земли жгли наши деревни. Они владеют небольшим набором ремёсел, но за свою долгую жизнь довели их до совершенства, недоступного людям. Редкие коротышки пользуются магией, но почти все обладают поистине волшебными руками. Они умеют плавить стекло из речного песка, выдувая из него тонкие и изящные изделия. Их ткани очень прочны и не пропускают влагу, а одежда простая и удобная, без излишеств. Еда, вино, музыка, инструменты, на которых её играют, – всё совершенствовалось на протяжении сотен лет в глубине Древних Лесов. Столярное мастерство ремесленников настолько велико, что те вырезают дома внутри живых деревьев так, что оно продолжает расти. Древени охотно разрешают лесному народу жить рядом в обмен на уход за деревом. Если бы люди научились так же обустраивать свой быт, может быть, нам бы удалось подружиться с духами...

Той ночью мне встретились и другие собеседники. Например, меня немало напугал незаметно подплывший мерцающий силуэт, который внезапно обратился ко мне на вполне знакомом языке. Принцесса приветливо поздоровалась с ним, похоже, двое были давними и хорошими знакомыми. Как выяснилось позже, силуэты – это души смертных, не сумевшие покинуть наш мир. Они сохраняют сознание и память и медленно угасают, растворяясь в океане жизни. Многие призраки сходят с ума, обращаясь к тьме, но есть и те, что воспринимают жизнь после смерти как подарок судьбы. Ведь в подобном состоянии душа не привязана к одному месту. Призрак может пойти, куда пожелает, жить чужими жизнями или разговаривать с живыми, являясь им в виде бесплотного силуэта. Этот лес стал родиной для множества призраков, разлетевшихся теперь по всему миру, и те из них, что всё ещё не растворились, возвращаются в лес, чтобы отметить вместе с духами Праздник Светлячков.

Вот что странно: когда Принцесса призывала других духов поприветствовать меня, я отлично её понимал. Но все духи говорят на разных языках, не всегда понимая даже друг друга. А призыв поприветствовать поняли. Магия?..

Но самым удивительным событием ночи стало совсем другое...

– Идём скорее! Сейчас начнётся!..

– Ладно-ладно, видишь, я иду... Не тяни так сильно...

Лесная дева вытащила меня на центральную площадку, туда, где стояли подмостки. Музыканты внезапно смолкли, в ожидании уставившись куда-то в сторону деревьев. Коротышки в спешке взбирались на столы, тушили фонарики, постепенно поляна погружалась во тьму. И как только погас последний огонёк, я смог разглядеть мерцающее сияние, прятавшееся в ветвях. Сперва решил, что мне показалось, но внезапно из-под листвы выпорхнуло множество мерцающих огоньков, моментально заполнивших всё небо над поляной. Ярче звёзд... Музыканты начали играть медленный и протяжный вальс, завораживающий, светлый и немного грустный. Рывком положив одну мою руку к себе на талию и сплетя ладони наших свободных рук, Принцесса начала медленно покачиваться в такт музыке. Вслед за нами пришли в движение и другие духи, вся поляна начала колыхаться подобно высокой траве под лёгким ветром... Взглянув вверх, я обомлел. Звёзды танцевали в небесах, кружась и свиваясь в маленькие смерчи. Потрясающе...

– Светлячки, – прильнув ко мне, шёпотом пояснила Принцесса. – Духи листвы. Они живут всё лето, танцуют в небесах по ночам, а днём прячась меж ветвей. Осенью вместе с листвой они опадают на землю и умирают, чтобы возродиться весной в этот самый день. Это – самые загадочные существа из всех, что есть на земле. Праздник Светлячков – это праздник возрождения жизни, её незыблемого круговорота. Каждый год мы танцуем вместе со светлячками и завершаем танец поклоном сторонам Земли, таким же, каким ты приветствовал нас сегодня ночью, отдавая дань памяти Великому духу Земли. Мы надеемся, что придёт день, и вместе с павшими на войне братьями он к нам вернётся, как каждый год возвращаются светлячки.

Это было потрясающе... Танец сверкающих искорок в небе приковывал взгляд, светлая и грустная музыка завораживала. Время перестало существовать для нас, в объятьях друг друга мы, не отрываясь, смотрели в небеса и покачивались в такт музыке. Принцесса была так близко, что я чувствовал её тепло, её сердцебиение... В свете, испускаемом светлячками, счастливое лицо становилось нереальным, искорки света отражались в небесного цвета глазах, делая их ещё глубже и ярче... Жаль, всей моей магии не хватило бы, чтобы остановить этот миг, он был так прекрасен!

«Интересно, чувствует ли Принцесса подобное, глядя на меня?» – робко шепнула первая мысль, возникшая в моём сознании. На неё сразу же набросились две другие: «Ей же две тысячи лет!» и «Она же не человек!». А четвёртая, не спеша замахнувшись, опустила на первую огромный боевой молот: «Даже если она чувствует то же, что и ты, разве сможешь остаться с ней и позволить всему произойти, осознавая, что через считанные десятки зим ты умрёшь, а она останется жить, с болью в сердце вспоминая тебя ещё несколько тысячелетий, одна в этом лесу?»

Я получил ответ, как только закончился праздник. После того, как музыка стихла, и каждый на поляне отвесил глубокий поясной поклон всем четырём сторонам света. Мы вошли под сень ветвей и растворились во мраке...

– Понравился наш праздник, Демон?

– Очень... Никогда не видел ничего подобного, как будто звёзды танцуют в небесах, повинуясь музыке и ветру.

– Это действительно очень красиво... Скоро рассвет, думаю, лучше нам отправиться домой.

Сам не зная, что делаю, я поймал её за руку. Слова вылетали сами собой. Словно давно ждали момента, чтобы быть произнесёнными.

– Принцесса... я хотел спросить у тебя кое-что. Знаю, что мы с тобой разные, как вода и пламя, принадлежим к таким же разным народам, моя жизнь оборвётся быстро, а твоя будет тянуться веками, но ты – самое прекрасное, что я видел на этом свете. Не знаю, как зовутся эмоции, что испытываю, не могу их даже описать, но они очень сильны. Воинам Утренней Звезды запрещено даже просто привязываться, но уже слишком поздно. У меня было время всё обдумать, и я решил: не хочу, чтобы ты видела, как я постепенно обращаюсь в прах и... лучше всего мне уйти, как только смогу, пока всё не зашло слишком далеко. Но я всё ещё не знаю, что ты испытываешь по отношению ко мне. Прошу, открой мне свои мысли.

Я не видел её лица. Не слышал дыхания... Магия как будто отключилась, сосредоточиться было выше моих сил, в ушах стучало... А потом я почувствовал, как дева осторожно дотронулась до моих плеч, робко обняла за шею... И её сухие от волнения губы неуверенно коснулись моих. Потом чуть смелее. Со всей нежностью, на которую только может быть способен воин с мозолистыми от тренировок ладонями, я обнял её тонкую талию, она прижалась ко мне, крепко стиснув мою шею, утонув в моих объятьях... И всё закончилось.

– Ты прав, – шепнула Принцесса, прислонившись своей щекой к моей.

Обратно мы добирались в полном молчании. Не зажигая света, вошли в тёмный дом, всё так же, не разговаривая и не глядя друг на друга, забрались под меховые одеяла. А сегодня утром она исчезла.

Луна, вид сзади

Пусть всё иллюзия,
тогда дайте мне иллюзию выбора
и иллюзию свободы.
Этого будет достаточно,
для иллюзии моего счастья.

Как это было

Один из дней

Никогда не вела дневник. Назову его «Записки сумасшедшего». Всегда боялась быть честной с самой собой. Больше не могу терпеть. Мне надо выговориться. Но я никому не могу рассказать, что со мной происходит. Ведь это бред. Меня сочтут психически нездоровым человеком и упекут в психушку. Точно.

Больно. Постоянно больно. Чаще болят отдельные части тела, но бывает, что боль охватывает весь организм. Тогда я валяюсь по полу и корчусь. А порой боль унимается и тихонько постанывает и изнывает во мне.

Я так измучилась, страшно смотреть на себя в зеркало. Скелет, обтянутый кожей. Не могу есть, меня всё время тошнит. Только иногда, когда меня отпускает, я заставляю себя что-нибудь съесть. Больше не испытываю голода, не чувствую его, но понимаю, что должна питаться, чтобы не умереть.

Не могу сказать, что болезнь моя пришла извне. Потому что *это* было во мне всегда. Когда и почему оно пробудилось? Зачем? Помню только, что было Полнолуние. Да, Полнолуние. Я спала и меня мучили, нет, не кошмары, то были смутные и дурные сны. То был яд, попавший в меня с лунными лучами. Лунный яд. В своих дурных снах я бродила по бесконечным коридорам и тропам тёмной стороны Луны. В ту ночь она завладела мной, захватила в плен, похитила мою душу.

С тех пор я могу пребывать только в двух состояниях. Когда я нормальный человек, но у меня дико болит всё тело – и когда боль почти унимается, но странные муки терзают меня и я реву уже от того, что сердце моё разрывается на части. И нет таких слов и понятий, чтобы объяснить эти душевные страдания. Самое ужасное то, что, мне кажется, я могла бы помочь себе. Если бы я только сумела выбрать из этих состояний одно, в котором бы решила остаться. Вот и всё.

Если б я только смогла решиться, смогла сделать выбор раз и навсегда, болезнь оставила бы меня. Но я колеблюсь. Слушаю своё сердце, и оно говорит, что я должна обрести свою Луну, стать тем, кем я родилась, вернуться к себе. Но это означает, что я покину мир людей, оставлю дом, родных, друзей, останусь совсем одна там, где никогда не была прежде. Что я столкнусь с трудностями, о которых

мне даже представить сложно, или с чем-то, что несёт в себе фатальную опасность для жизни. Мне придётся бросить людей, которых я люблю и которые любят меня, убитых горем родителей, теряющих единственного ребёнка. Не это ли сродни предательству? Но, зато, у меня будет Свобода и Ночь, и Луна.

Как бы это могло быть

Другой день

Сегодня у меня безумно ломило руки, и ноги болели до судорог. Но зато, когда меня немного отпустило, я гуляла в парке со своими друзьями. Было весело. Давно мне не было так легко и спокойно на душе. Возможно, я даже была счастлива. А затем – снова эта боль.

Что-то жуткое произошло со мной ночью, после этого дня. Новолуние. Я резко села в кровати и в тот же момент проснулась. Ничего не болело, но состояние было странное. Я вышла на лоджию, открыла окно, вдохнула ночной воздух и... сиганула из окна. Пусть даже это был первый этаж, но как я не переломалась? Каким чудом? Я приземлилась на четвереньки, встала и пошла прочь, не знаю куда. Хорошо ещё, что на мне была пижама, всё-таки разгуливать ночью голышом по городу – как-то слишком. А потом... не помню, что было потом. Я проснулась утром следующего дня в своей постели, перепачканная, с грязными ногами. Окно было открыто.

Ночь. Новолуние

Я проснулась резко и стремительно, одним толчком, телесно. Следом сразу попытался проснуться разум, или сознание, или что бы то ни было. Но проснулось не совсем. И хорошо. Потому что я-то проснулась. Мне захотелось вдохнуть в себя ночной воздух, и я открыла окно лоджии. О, да! Свежий ветерок принёс множество запахов и звуков. Тут я поняла, что надо размять косточки, сделать небольшую вылазку. Пока – недалеко, поблизости, произвести разведку местности. Я прыгнула в окно. Что-то во мне, не совсем проснувшееся, съёжилось от страха. Если бы оно владело моим телом, а не я, то тело упало бы в обморок или покалечилось. Наверное, это что-то всё-таки упало в обморок, где-то внутри меня – мне стало совсем привольно и спокойно.

Я обследовала небольшую территорию вокруг дома, радиусом километров в десять, исследуя все попутные запахи и звуки, пробуя на ощупь шершавые стены домов и текстурные стволы деревьев. Как же это было здорово! И ново. Наверное, таким и бывает счастье. А в самый холодный предрассветный час я вернулась.

Ещё один день

Сегодня у меня практически ничего не болело. Просто было маотно. Ходила весь день как неприкаянная. Чего-то ждала весь день, не знаю

чего. Словно тесно и оттого дышать трудно. И всё – бессмысленно как-то и пусто. И нет нигде того, что мне надо. И от этого так тоскливо. Наглotalась таблеток и пошла спать.

Ещё одна ночь

Едва проснулась и неимоверным усилием подняла тело. Это всё снотворное, которым оно наглotalось днём. Едва ощущала своё тело, руки и ноги были как ватные. Это плохо. Зато – оно спало мёртвым сном. Это – хорошо. Так, я выходила на прогулку и этой ночью. Только на этот раз – через дверь. Слишком уж было трудно управлять вялым телом. Поэтому и сегодня я осматривалась недалеко от дома.

И снова день

Маета не проходит, в отличие от боли. Значит ли это, что я сделала свой выбор? Меня начинает тошнить от людей, а не от еды. Они меня раздражают. Бесят меня своей мелочностью, зацикленностью, зашоренностью. Я их не понимаю. Ничего не понимаю. Себя не понимаю. Скука смертная. От того ли я сегодня укусила человека? Раньше я бы испугалась и возмутилась. Теперь же мне хорошо от осознания того, что я сделала то, что хотела. Какой-то нудный мужик шёл впереди меня, метрах в трёх и громко так ныл по телефону о своей несчастной судьбе. Минут пятнадцать ныл. А я сзади подлетаю, хватаю за руку и кусаю до крови. Наверное, вид у меня был жуткий – мужик замолчал на полуслове, побелел весь, глядя на меня, телефон выронил и застыл в такой позе. Не знаю, что было дальше, я убежала от греха подальше. Скрылась за углом дома метрах в трехстах и засмеялась. От радости, от облегчения и много от чего ещё. И тут я поняла, что уже сделала выбор. А маюсь целыми днями только от того, что пытаюсь жить как раньше, по инерции.

И снова ночь

Проснулась я сегодня неторопливо и с удовольствием, потянулась всем телом и каждой мышцей в отдельности. Так приятно. Ничто не мешало мне и не ёрзало внутри. Я подумала, что сегодня стоит увеличить площадь исследуемой территории, но взглянув в окно, поняла, что сегодня меня ждёт другое приключение. Растущая Луна почти достигла своей полной силы. Сейчас – она – моя цель. Да, этой ночью я отправлялась на разведку туда.

Всё так просто, так естественно, как течение реки или ветер. Вот и я, шаг за шагом возвращаюсь туда, где и должна быть. Домой.

Как стало

И был день. И была ночь. Полнолуние. Вид сзади

Сегодня был мой последний день, проведённый среди людей. Грустно немного, но всё-таки радостно. Разлука и возвращение. Простите меня

за всё родные мои и любимые. Сегодня я ушла от вас. Сегодня я вернулась к себе. Страх нет. Ничто во мне больше не боится. Та, другая часть меня обещала помогать и поддерживать меня во всём. Потому что нас ждёт долгий, трудный и опасный путь. Путь домой. Сегодня ночью – Полнолуние. Сегодня я отправляюсь туда, на тёмную сторону Луны, где, плененная лунным ядом, блуждает моя душа.

Однажды я сделала свой выбор. А, может быть, просто следовала за своей судьбой, и не было никакого выбора. Какая разница. Ведь меня ждёт Свобода и Ночь, и Луна. И как бы там ни было, я выбрала свою сторону Луны – вид сзади.

Светлана ГУМЕННИКОВА

Новая шкура

Когда совсем рассвело, мы вышли из долины. Вокруг парили подсвеченные солнцем частички. Лёгкий песок тучками вздымался под нами. Мы шли вдоль скал, поросших различными растениями. Они были похожи на долинные, но такие же разнообразные: то тёмные длинные и гибкие, то ярко-красные или синие, похожие на камни.

Я шёл, подбирая на ходу из песка мелких длинных животных и сразу съедая их. На очередном куске я вспомнил про свою спутницу и обернулся. Она сидела на покатой крыше домика, плавно покачивая своими светлыми нежно-фиалковыми щупальцами. Я знал, что этих животных она не ела. Ей нравились более крупные гладкие животные, попадавшие в её цепкие объятия. Но во время наших путешествий мы ели и растения, которые я ей подавал. Тогда она лениво протягивала щупальце, трогала, а потом утаскивала кусок. Как и в этот раз, я нашёл большой плоский кусок бурого растения. Неудобно развернувшись, протянул ей его. Она гибко отклонила щупальца, и я почувствовал ветер.

Развернувшись, я снова понёс наш уютный домик, неся растение. Однотипные скалы слева и просторная песчаная равнина. Никаких животных, моих сородичей, серебристых мелких животных, стайками проносящихся над нами. Меня снова начинало клонить в сон от монотонности дороги.

И тут, внезапно, нас закрыла тень. Я быстро спрятался в домик. Моя любимая не хотела этого делать, крыша была ей удобнее. Из домика я наблюдал, как большая тень мечется над нами. Насколько мне было известно, эти тени были быстрыми хищниками, рыскающими всюду. Я надеялся, что они не утащат мою любимую, – предыдущие хищники этого сделать не смогли. Некоторых, особо норовистых, она ловила и поедала. Мы ждали. Тень всё сновала вокруг. Как раз над

нашим домиком. Гулкое биение сверху начало усиливаться. Я глубже забрался в домик и даже поймал себя на мысли, что почти не дышу. Тень резко дёрнулась и быстро исчезла. Исчез и гул. Но я не выходил. Наблюдал за песком. За щелями в скале. Прежде чем осторожно вылезти из домика, я подождал ещё какое-то время – для надёжности.

Я огляделся. Вокруг было также спокойно, словно сверху и не носился хищник. Позади темнели две гряды скал, окружающих долину, впереди песчаный простор. Мы продолжили идти. Растений на скале становилось всё больше, и они были разнообразнее. Постепенно становилось теплее и оживлённее. Мелкие серебристые животные юркими стайками сновали над нами. Я почувствовал шевеление сверху. Кого-то моя любимая успела поймать. Мы шли, не останавливаясь на еду и отдых.

Мы обошли скалы и взобрались на них по широкой песчаной насыпи. Сверху было ещё светлее. Плато покрыто песком, на котором росли рощицы гибких растений. Здесь было населённое, чем в долине, откуда мы ушли. Меня переполняла радость. Теперь мы будем питаться до отвала и спать, где захотим. Большие хищники сюда не заплывали, поэтому мелких животных было много. Но те были нам не страшны – их съедала моя любимая. Мы наводили страх на всех. Ходили, где хотели, ели, когда хотели. Так пугали мелких животных, что они закапывались в песок.

Однажды я почувствовал, как моя кожа начала зудеть. Желание почесаться становилось всё навязчивей, пока мне не пришлось выйти из домика. Я понял: мне надо было менять кожу. Я спешно нашёл рощицу мягких светлых растений. Местные животные, завидев нас, спешно разбежались, но мы не собирались их есть. Я снял и спрятал там домик, взглянув на любимую. Она всё также спокойно покачивала щупальцами, как бы говоря: «Не переживай, всё будет хорошо». Я подошёл к домику и потрогал её упругое тело и мысленно сказал: «Не переживай, я скоро вернусь». Зуд всё увеличивался, и мне пришлось спешно покинуть её.

Я спустился по растениям вниз к обрыву, под которым в одно время мы шли. С каждой секундой зуд напоминал о себе, и я спешно искал подходящее место. Спустя какое-то время я нашёл расщелину, скрытую яркими камнеобразными растениями. Забравшись туда, я с облегчением избавился от шкуры. Это заняло много времени, но каждый кусочек избавленной кожи покалывало холодом, что радовало меня. Когда моя старая шкура была сброшена, мне пришлось жить в расщелине какое-то время, питаясь мелкими длинными животными. Мне не нравилось это время. Без домика я чувствовал себя незащищённым, а тем более без шкуры. Как только она затвердела, я выбрался наружу и пошёл в сторону, где оставил свою любимую и домик.

Взбираясь на песчаную равнину, я наткнулся на ещё один домик. Он был больше моего, круглее, пятнистее и с длинными шипами. Такие дома мне нравились. Они были первыми, с которыми я ходил. И я надеялся, что моей любимой понравится. Я заглянул внутрь в надежде, что он окажется пустым. И он оказался пустым. Обычно его обитатели были мирными и ели растения, но некоторые были очень опасные, что мы старались избегать их длинных конусовидных домов. Я быстро влез, почувствовал облегчение и со всех ног припустил к своей любимой.

Достигнув рощицы, я быстро нашёл место, куда положил старый домик. И обнаружил любимую на том же месте. За время моего отсутствия она располнела, всюду лежали останки животных, и старого домика уже почти не было видно. Я надеялся, что её можно будет с собой взять. Примерил крышу нового домика и понял, что места хватит. И принялся за работу. Я с горечью снимал разросшиеся куски её тела, видя, как она корчится от боли, прячет щупальца. Но не мог ничего поделывать. Я старался работать аккуратно, чтобы не мучить её. Если я хотел её забрать, то надо было это сделать. Постепенно я снял куски жёсткой шкуры вокруг и принялся отдирать от крыши. Пришлось приложить усилия, так как без моего надзора она сильно отъелась. В итоге я пересадила её скукоженное тельце на новый домик. Но ей эта затея не нравилась. Она обиделась и несколько дней не вылезала из шарика даже поесть – её основное и любимое занятие. Мне пришлось даже передвигаться с огромной аккуратностью, чтобы она не свалилась с крыши. Мелкие животные от нас уже не шарахались – отвыкли. Но нас это уже не беспокоило. Мы нашли новый дом и готовимся к новым походам.

Артём ДУДАРЕНКО

Задержание

**Где выясняется, что последовательная коррупция
могла спасти от потрясений... мозга
(Глава из романа «СКОЧ»)**

– Мужчина, предъявите, пожалуйста, документы.

Мгновенный приступ ужаса заставил меня вздрогнуть. Я оборачиваюсь на голос, уже представляя, что увижу, и, к несчастью, оказываюсь прав. Передо мной стоят двое полицейских. Самый обыкновенный экипаж патрульной девятки, стоящей у здания напротив.

Откуда во мне этот примитивный страх перед служителями закона? Ведь я законопослушный гражданин, по крайней мере, был. Почему, когда слышу эту фразу, испытываю чувство, как будто уже виноват?

От служителей закона не укрылось моё смятение. Они чувят страх перед ними. А почуяв, подходят с безобидным предложением предъявить документы, и дальше шаг за шагом вникают всё глубже, до тех пор пока не найдут причину внезапного испуга.

Я уже виновен, осталось лишь узнать – в чём. Они не отвяжутся и выведут меня на чистую воду. Но страх заставляет лихорадочно произнести оправдательную речь.

– Мужики, да вы чё? Это ж мой велосипед!

Зря! Не поверили. Да я сам бы не поверил бородатому облому с битой мордой и в грязной куртке не по размеру.

– Предъявите, пожалуйста, документы, – подчёркнуто вежливо повторяет один из них.

– Чё морщишься? – с лёгким акцентом добавляет второй. – Башка с похмелья болит? – Вероятно, вид у меня совсем неказистый, если менты даже головную боль вычислили.

Всё, это провал! Как глупо! Заподозрен в краже собственного велосипеда и опознан как нарушитель... Хм-м... Как интересно называется моё преступление? И какое мне полагается наказание? Белыми губами отвечаю господину полицейскому:

– Простите, но паспорт я с собой не взял.

Это правда, сегодня он случайно остался дома. Перекладывал документы после института и выложил его вместе с зачёткой и дипломами. Но офицер не верит, и продолжает отрабатывать алгоритм проверки.

– Пройдемте в машину для опознания.

Деревянной походкой шагаю к машине. Возле неё один из них, наверное, младший по званию, задаёт мне вопрос.

– Колюще-режущее имеется? – в боковом кармане портфеля лежит складной нож, но его иногда не находят даже с металлоискателем. Однако я отвечаю правду.

– Да, есть. – Надо бы сказать что-то ещё, но разум занят, лихорадочно ищет возможность выкрутиться или хотя бы минимизировать последствия. И тут перед глазами возникает надпись.

«Уклонитесь от опознания личности. Награда: сохранение СКОЧ на вашем "бадикомпе" и повышение индекса лояльности СКОЧ».

– Покажите, – ускоряет меня полицейский. Заторможено достаю нож и передаю его менту. – Садитесь в машину.

Открываю дверь и размещаюсь на заднем сидении, болезненно сморщившись от очередного приступа головной боли. Один из полицейских за рулём, второй уселся слева, чтобы мне, в случае чего, было неудобно его атаковать. Они спокойны и деловиты, как врачи-терапевты в моей поликлинике. Сейчас они поставят мне диагноз, оформят документы и отправят к профильному специалисту. А он

есть, этот специалист, иначе СКОЧ не выдала бы этот панический квест на сохранение себя.

– Фамилия, имя, отчество, – без паузы тараторит полицейя за рулём.

– Федосеев Иван Александрович, – как-то неожиданно для себя озвучиваю вымышленное имя. Всё! Рубикон пройден, я решил выполнить этот квест. Теперь для меня неприятности с полицией предпочтительней риска потерять нелегальное программное обеспечение в голове.

– Паспортные данные помните? – старший никак не реагирует на мою ложь, людей с такими именами тысячи, и поводов к беспокойству он не видит.

– К сожалению не помню. – Я наконец-то справился с приступом страха и осознаю простую мысль: сейчас решается моя судьба. Привычно натягиваю на себя образ бойца и выдыхаю. Спокойствие накатывает ватным звоном в ушах и тянущей предбоевой пустотой.

– А ты его биосканером проверь, – рекомендует сидящий рядом мент. Главный на секунду задумывается и открывает бардачок.

– А давай, – похоже, эта процедура для них нова и непривычна. За всё новое люди берутся с опаской, вдруг неизвестное принесёт неприятности. В руках у сидящего впереди появляется что-то, похожее на массивный телефон-раскладушку. А в моих глазных яблоках появляется надпись:

«Обнаружено устройство "биосканер". Есть возможность выполнить квест "исследование биосканера". Завладейте устройством и исследуйте его».

– Вы авторизовывались в системе биочип? – спрашивает главный, повторив вопрос, который Влад задал мне всего два часа назад.

– А Вы? – не успеваю схватить себя за язык и бесшабашно брякаю глупость. СКОЧ с самого начала подвесил над головами обоих законников ники и бары здоровья. Егоров С... и Обоев Р... мне не представлялись, а значит СКОЧ скачал их данные с заполненных биочипов.

– Да, – неожиданно усмехается Егоров. – Вчера всей сменой заполняли. Госчиновникам теперь зарплату только на «биочип» переводить будут, вот и заполнили. Сейчас и Вас опознаем и регистрируем в системе.

Это даже не провал – это катастрофа! Куда я полез? Да при таком подходе уже в следующем году биочипами будет пользоваться вся страна. Со СКОЧем вместо биочипа шансов затеряться не будет. Штирлиц в будёновке посреди Берлина – и тот меньше выделяется.

Но человеческий мозг – штука инертная, воля уже сдалась, понимая, что исход предreshён, а привычки, рефлексy и инстинкты продолжают сражаться за жизнь и комфорт.

– Мужики, чё за произвол? Не имеете права, нарушаете мои конституционные права! Я отказываюсь регистрироваться в биочипе.

– Да не кипишуй ты, Иван Александрович, – успокаивает меня Обоев Р..., какие-то они всё-таки странные. – Нам на собрании объяснили, что биочипы поставят всем в течение года. Это ведь воля государства, её не переломить. Смирись, Ваня. К тому же нам за регистрацию граждан в системе биочип премии обещали. – Обоев Р... ещё продолжал говорить, а я уже представил себе картину тотального контроля экономической деятельности частных лиц. И ведь, действительно, не уклониться, государство всегда достигает поставленных целей.

– Мужики, а какая там премия? Может, договоримся? – Вот ведь странно, тело уже давно настроилось на битву, интуиция заверила меня, что драки не избежать, я полностью готов, но... Но мозг отрабатывает все варианты, лишь бы по-хорошему. А менты не торопятся; главный Егоров С... продолжает копаться в биосканере, а сидящий рядом Обоев расслабленно и даже где-то благосклонно принимает идею взятки.

– Можно и договориться, только мы пока тех премий не видели, и какого они размера – тоже не знаем... – Он со значением замолчал, а я про себя понял, что такие, как я, не желающие насильной регистрации в полиции, отдадут ментам не одну взятку, прежде чем по инстанциям придёт запрет на денежные подарки от уклонистов.

– По тысячи на брата пойдёт? – сказал бы больше, да в кошельке только две тысячи...

– Не пойдёт! – как гвоздь в крышку моего гроба вбивает отказ главный.

– Почему? – разочарованным голосом спрашивает Обоев. Значит, шутики на нос должно было хватить, жаль почти соскочил.

«Доступен квест "силовое решение вопроса". Выведите из строя полицейских Егоров С... и Обоев Р..., завладейте биосканером и уклонитесь от опознания личности. Награда: повышение лояльности и установка модуля БЧ».

СКОЧ подкупает меня непонятными бонусами, намекает на туманные перспективы, но это уже не нужно. Я уже всё решил. Если мне предлагают вступить в этот сатанинский биочип вместе с такими как эти Сергей Николаевич Егоров и Рустам Рулонович Обоев, если делают это под угрозой ментов и лишения денег, если обрекают на страх и подлость, я отказываюсь от этого «щедрого» предложения! И сейчас я забью свой отказ, в глотку настойчивым просителям!

Головная боль превращается в тяжёлые удары пульса по вискам, кончики пальцев начинает колоть, а вдохи становятся по-настоящему глубокими. Древние механизмы войны, доставшиеся от первобытного зверя, готовят меня к последнему бою, ибо другого не знают.

– Биосканер какую-то хрень пишет: «гражданин не идентифицирован. Ошибка отзыва. Немедленно задержать». Так что извини, Ваня, едем в участок. – Он открывает бардачок, чтобы вернуть биосканер на место, а я тянусь к стоящему у двери портфелю.

– А по десять тысяч пойдёт? Сейчас достану. – Я разворачиваюсь спиной к сидящему рядом Рустаму (наконец-то удосужился прочитать их ФИО) якобы для того что бы извлечь деньги. А через миг, чуть привстав, наношу лучший в своей жизни бэкфист¹ локтем. Условия для удара неприемлемые, из положения полуприсед, в тесной девятке, не вызывая подозрения, левой рукой, не имея права на ошибку, но инструктор засечного боя – это лучший кандидат для такой задачи.

Локоть, описав полную дугу от портфеля до подбородка Обоева, сломал ему челюсть и швырнул голову на подлокотник. Его товарищ отвлёкся от бардачка и повернул голову на шум, но всё, что он увидел – это костистый кулак, заслонивший, а затем и выключивший свет. Не присаживаясь на сидение, я ухватился за правое переднее кресло рукой и обратным махом погнался в голову Егорова левый кулак. Полулежащий на рычаге передач полицейский резко закинул биосканер в ящик для перчаток и повернулся ко мне. Нос с влажным хрустом вмялся в голову, Сергей, нелепо изогнувшись, треснулся головой о приборную панель и тихо расплзся по сидению и полу.

Кипящий в крови адреналин требует продолжать бой, но полицейские тихи и недвижимы. Чтобы сделать хоть что-то, беру в руки чёртов биосканер.

«Квест "силовое решение вопроса" – выполнен.

Квест "исследование биосканера" – выполнен.

Квест "уклонитесь от опознания личности" – выполнен.

Повышен индекс лояльности в СКОЧ.

Разблокирован и устанавливается модуль БЧ.

Получен новый уровень, текущее значение 38.

Получено 1 очко развития талантов.

Получен боевой опыт.

Повышен навык "сокрушительные удары", текущее значение 6.

Получен навык "внезапная атака".

Получен навык "боевая концентрация".

Повышен навык "бой в замкнутом пространстве", текущее значение 3.

Получен квест "детальное исследование биосканера".

Получен квест "прочь от цивилизации".»

Охватываю длинную простыню сообщений от СКОЧ и смахиваю одним взглядом, некогда. Варварски срываю видеорегиистратор с приборной панели, выключаю его и кидаю в портфель. Направляю биосканер на Егорова и жму большую кнопку. «Егоров Сергей Николаевич. Благонадежен». При направлении на Обоева прибор выдаёт тот же вердикт, что не удивительно. Буду считать, что предварительное изучение проведено.

«Повышен навык "боевая концентрация", текущее значение 2».

Это надо полагать за чёткое выполнение задач квеста. Ну сейчас я СКОЧ удивлю...

¹ Раскручивающийся удар.

Выуживаю телефоны и кошельки из карманов полицейских, личные вещи и тем более оружие брать не стал, и так уже законов нарушил больше, чем китайский браконьер в уссурийской тайге. В бардачке обнаружил...да ну! Это же конопля! Нормальный такой косяк! Может, они прямо в машине курили? Принюхался, вроде пахнет чем-то сладковатым. Это я оставлю доблестным псам режима... Моя полиция меня бережёт. Руки им сковал наручниками, переговорное устройство искалечил своим ножом.

«Получен навык "обыск", текущее значение 1.

Получен навык "трофейщик", текущее значение 1.

Квест "детальное исследование биосканера" частично выполнено.

Повышен статус СКОЧ».

«Трофейщик», говоришь? Куда приятнее, чем «мародёр». В давние времена, так называли не тех, кто победил и взял трофеи, а тех, кто грабил трупы обеих сторон, не будучи участником боя. Но сейчас благодаря одноименной книге, снятие приза с побеждённого, называют «мародёрка». Приятно, что СКОЧ так тонко чувствует нюансы.

Стираю отпечатки пальцев со всех поверхностей, каких коснулся.

«Повышен навык "боевая концентрация". Текущее значение 2».

Ну вроде все. Аккуратно прикрываю дверь машины и иду отстёгивать свой велосипед. Впереди меня ждёт облава, бегство из города, жизнь преступника, без документов и попытка выжить в зимнем лесу. Неожиданное завершение дня, а как хорошо всё начиналось.

Наталья ЖИЛЯНИНА

Канцелярия

Первый:

– Итак, господа, мы собрались сегодня, чтобы обсудить наши провалы и достижения на новом поприще и наметить перспективы развития. Начну с главного. Проект уже принёс первые плоды и поэтому дальнейшее развитие и вмешательство одобрено свыше. На этом всё хорошее, чего мы добились, оставим за кадром и проведём разбор полётов. Формат нашего собрания следующий: от каждого отдела докладчик выступает с кратким отчётом о состоянии контингента, потом сообщая обсуждаем проблемы. Отдел «дешёвых слёз», ваш первый отчёт.

Второй:

– За прошедший период сделано очень много, и уже можно прийти к некоторым выводам. Начну с того, что потребность в слезах у человека является базовой и, хотя не осознается большинством индивидов...

Первый:

– Отдел «дешёвых слёз», короче. Мы это всё знаем и без вас. Выводы! Второй (испуганно):

– Так я же об этом и говорю. Потребность в слезах заложена «свыше», поэтому извратить эту потребность и подменить её суррогатом мы взяли за основу концепции. И сначала всё шло очень гладко, эти оболтусы ревели крокодильими слезами над историями сбитых машинами ёжиков и кошечек (ёжики почему-то вызывали больше надрыва), над служебными собаками, которых должны усыпить, и над детками из приюта. Естественно, приютить деток или собачек пытались единицы, и они тут же сталкивались на пути осуществления желаемого с такой канцелярской волокитой, что на выходе от единиц оставались тысячные, но это потери, которые неизбежны в нашем деле. Когда это перестало работать и автоматически перешло в отдел «раздражения», мы пустили в ход тяжёлую артиллерию: цветные фотографии избитых неадекватными родителями детей, до предела истощённых кошечек и собачек, красивые истории о девочках-самоубийцах или брошенных детьми стариках-родителях. Эта жвачка тоже сначала пошла на «ура», но эффект продлился позорно недолго. Всё перешло либо в отдел «раздражения», либо в подразделение «добрых дел». Сейчас в нашем отделе творческий кризис. Из всех недр мироздания мы не можем выделить и выдать на-гора настолько мощную чернуху, чтобы заставить обывателей дёшево поплакать, ничего при этом реально не делая.

Первый:

– Хм... Довольно неожиданный эффект. Но они ведь всё равно при этом ничего не делают?

Второй:

– Но зато плакать практически перестали.

Первый:

– Успокойтесь, вы просто не видите своими куриными мозгами отдалённую перспективу (на словах «куриные мозги» собравшиеся сдержанно фыркнули, а Второй чуть не полез под стол от смущения).

Первый:

– Ладно. Что там с отделом «раздражения» и «добрых дел». К вам переходит почти весь материал. Что происходит с ним дальше.

Третий (раздулся от важности):

– Отдел «раздражения» трудится с максимальной отдачей. К нам переходят не только «слёзы». Недавно к нам перешёл почти весь материал из отдела «здорового образа жизни» и большинство рецептов из отдела «салатов и тортиков». Более того, многие материалы из отдела «страха» тоже теперь курируем мы.

Первый (мрачней):

– Люциус, что Вы скалитесь? Это не благая весть, то, что Вы нам говорите сейчас! То, что мы сначала извратили, а потом победили

«слёзы умиления», заменив их «тотальным равнодушием», переходящим в раздражение, бесспорно, наша заслуга. Но другие отделы должны продолжать работать. Отдел «здоровья», что Вы можете ответить?

Четвёртый (сначала заикаясь, потом более уверенно):

– Мы очень ст-тараяемся. Если сначала основной была идея свергнуть общественность в повальное уныние из-за несоответствия идеалу «здорового человека», что почти произошло, то потом мы пошли дальше и стали намеренно запутывать обывателей, выдавая со всей возможной достоверностью противоречивую информацию. Например, сегодня мы советуем выпивать три литра воды минимум, чтобы прожить хотя бы до пенсии, а завтра электорат, уже с заметными отёками на всём организме, читает опровержение, что пить нужно столько, сколько хочется. А что мы вытворяли с продуктами. На одних ГМО и глутамате натрия заслужено столько виртуального битья морд и троллинга, что руководство могло бы это как-то и отметить уже...

Первый (одёргивает):

– Не хвастайтесь, я об этом предупреждал в начале. Говорите по делу.

Четвёртый (покаянно):

– Да-да, это так, к слову пришлось. Но нам постоянно мешают. Отдел «салатов и тортиков» не нашел ничего умнее, чем выкладывать свои дикие рецепты как раз под нашими диетами и фотографиями «до и после».

Пятый:

– Это всё время лезете со своими диетами и фото знаменитостей в бикини. Только портите все!

Первый:

– Всё! Брейк! Придумал: отдел «здорового образа жизни» и отдел «салатов и тортиков», вы не бодаться должны, а действовать сообща. С этого момента вы объединяетесь в отдел «ожирения и воздержания». Главным будет тот, кто первым представит мне новую концепцию совместной работы.

Четвёртый и Пятый испепелили друг друга взглядами, отряхнули пепел и яростно застрочили в записных книжках.

Первый:

– Отдел «добрых дел». Мы про вас помним. И я даже спрашивать не стану о причинах. Думать нужно верхней частью туловища! Добрые дела обывателей должны быть либо невыполнимыми, чтобы сеять разочарование, либо настолько лёгкими и невесомыми, чтобы не вызывать ничего, кроме гордыни. Заплатил за СМС пять рублей – и как будто мир спас. Вот это по-нашему. А вы наплодили жуликов в сети, и теперь ваши сборы на операции с очень цветными фото больных детей у большинства этих идиотов вызывают только

раздражение и желание побыстрее крутануть ленту, а дальше реклама! Отдел рекламы, вы должны вызывать вожделение и жадность, а вызываете нездоровый смех или гнев!

Третий (нахально):

– Шеф, ну объясните нам, наконец, чем Вам раздражение и гнев этих уродов не угодили? Разве мы не для этого действуем в итоге?

Первый:

– Люциус, я в Вас разочарован. Вы вознеслись и перестали соображать. Раздражение – эмоция сама по себе замечательная и вкусная, однако её должно быть в меру. Испытывающий раздражение и гнев от всего, что его окружает – наш клиент. Но если его раздражает всё в сети – чем вы его в этой сети удержите? Не забывайте, что с гнева очень часто в истории начинались совсем иные движения человеческой души, которые приводили к чудовищным для нас последствиям. Гнев был свойствен даже Тому, о Котором мы не станем говорить ни сейчас, ни в другое время. Господа, осторожнее с гневом, чтобы он не пал на ваши головы!

Первый выпустил эффектную молнию, и собравшиеся в испуге съёжились.

– Отдел «страха», с вами-то что не так? Перед вами поставлена самая типичная задача: пугать. Пугать, а не смешить! Ядерный взрыв устарел! Предсказания конца света нелепы до отвращения! Придумайте же что-нибудь новое, в конце концов! Восстание роботов и искусственный интеллект можно было подать под нужным соусом, но эту идею вы благополучно прозевали, и киношники уже довели её до абсурда. Чтобы через три часа у меня был подробный план ваших дальнейших действий.

Первый помолчал, оглядывая сжавшихся подчинённых, и со значением припечатал

– И единственный отдел, который работает относительно нормально, это отдел «блуда». Но хвалить я вас не стану, много чести. Собрание окончено.

Сергей ЗАГНУХИН

Немного о лесах, грибах и волхвах

Глава первая. Плач по быломu

Неудачная это была идея – лечить возрастную меланхолию поездкой в деревню детства. Как заметили древние: нельзя войти в одну реку дважды, ибо притекает новая вода. Хотя Кашинка-то как раз осталась почти прежней: всё такая же мелкая, извилистая, почти повсюду заросшая камышом и осокой. И жёлтые кувшинки с белыми лилиями «любители»

природы до сих пор из неё пока не повыдергали... А большой камень на кривуле всё не даёт улизнуть легкомысленной речушке из старого русла, придавив её поток ближе к нашему берегу. Да, этот серый валун, хоть и кажется меньше, всё так же солиден и надёжен, как в детстве, когда, распластавшись по его тёплой шершавой поверхности, я наблюдал окружающий мир: как мама ловит корзиной раков в тине и водорослях, как прозрачные и синие стрекозки-вертолётники носятся наперегонки над водой, как рыбная мелочь суетится в мелком потоке... Всё тут по-прежнему, только мама далеко и камень начал вращать в берег...

А вот всё остальное безнадёжно изменилось, и далеко не в лучшую сторону.

С друзьями-товарищами, кроме воспоминаний, ничего общего, да и... иных уж нет, а те далече. Закадычный Юрка-космонавт, прозванный так за Гагаринское имя, замёрз в прошлом ноябре по пьяной лавочке. Последний раз жизнь свела нас после армии, как раз мы оба дембельнулись из её славных рядов... знатно тогда погудели и покуролесили, до сих пор удивляюсь, что с нами ничего не случилось, даже по лицу ни разу не получили. Видно, хранил кто-то, когда пьяные ночами на мотоцикле без фары гоняли в Кесову Гору искать себе приключений на пятую и шестую точки. Но я-то подурил с месяц и поехал восстанавливаться в институт, а Юрика судьба так и мотала по разным кривым колеям, пока не подставила ножку на глинистом склоне, метров за двадцать от деревни.

Подруги детства из хрупких белокурых девчушек выросли в матёрых... женщин, отягощённых детьми и лишним весом. Первая любовь, с которой обнимались когда-то по лавочкам и пытались целоваться... А, пустое... Даже лучше, что не ездит сюда больше.

«Родительский дом – начало начал» тоже подвёл, не сам дом, конечно, а дядюшка, разобравший русскую печь. Ведь на ней же, казалось, держится всё: кухня, столовая, зал и маленькая спальенка, вернее, печка и делила внутреннее пространство на всё это, теперь же есть просто одна большая комната, вопиюще пустая, как будто аккуратный взрыв уничтожил этот центр домашнего мироздания и сдвинул по стенкам знакомую мебель: скамьи, столы, кровать, комод, диванчик и остальное. Только спальня за дощатой перегородкой сохранилась как прежде. Умом-то я понимаю – провели газ, но по чувствам – пепелище. А ведь в самой младости мне довелось и мыться в нашей русской печке. Хорошо протопленную, её выстилали соломой, забирались по очереди в широкий зев и смывали пот, усталость и болезни. Никогда мне больше не попробовать настоящих кренделей, блинов или оладушек, да просто пшённой каши, упревшей в её таинственных кирпичных недрах до толстой коричневатой молочной корочки сверху. Аромат же от всего этого стоял... куда там любой ресторанной экзотике. Так и не

узнал у бабушки толком: что такое «шесток» и где это – «на судёнке»; каждый раз, бывало, метался по кухне, посланный принести что-либо из этих таинственных мест.

Подался было в Тишино – бывшую помещичью усадьбу, а позже – начальную школу, там с дореволюционных времён сохранился замечательный парк. Как же отрадно, думал, будет побродить по его тенистым аллеям, где мы когда-то играли с друзьями в индейцев и войнушку. Но, вот же гадство, от всего великолепия остался один серебристый тополь, печально трепещущий листвой на краю безобразной ямы – песчаного карьера. Предупреждал же мудрый человек: не стройте дом на песке, а то подуют ветры, поднимутся воды и... ага. Нигде песка больше не нашлось, что ли, как только под последней усадьбой и старым парком?

Думал: «Ну, лес-то не подкачает». И тот немного подкачал. Не сам лес – люди. Попилили лишнего: куда ни сунься, сплошные вырубки да просеки, все поляны заезжены тракторами до полного безобразия. Лесники, похоже, вымерли как класс: никто не прореживает чащи, и старые деревья, падая, нагородили такой бурелом, что просто нормально ходить стало трудно, местами приходится пробираться, а иногда и продирааться.

Похоже, крупно ошибался Вольтеровский доктор Пангос, насчёт «всё к лучшему», или я уже созрел до сакраментального: «Раньше небо было голубее, а трава зеленее».

Глава вторая. Лесная баллада

Но всё-таки отпуск берёт своё, и, когда в душе просыпается первобытный охотник и собиратель, начинаешь находить плюсы и в новых реалиях: вырубки зарастают свежим малинником, а грибы замечательно растут и в неухоженных лесах. «Тихая охота» полюбилась мне с детства, а вот способность получать удовольствие от пары часов топтания по ягодной поляне – приобрелась с возрастом. Если в юности задание собрать литра два малины на варенье воспринималось как тяжкая повинность, то теперь без всякого принуждения встаю с рассветом, беру небольшую ягодную корзиночку, пакет для попутных грибов, нож, воду, пару бутербродов, горсть карамели – и вперёд. Даже просто сама неторопливая прогулка по лесным дорогам и тропинкам, почти зримо, раз за разом, освобождает от напряжения и усталости трудового года.

На краю леса, над сенокосными лугами нарезает круги над головой какая-то ширококрылая хищность: коршун или даже целый орёл. Нет, дружок, поищи себе добычу помельче. Пёстрая сорока срывается с попутной берёзы, пронзительным стрекотанием предупреждая всех о моём прибытии. Да, да, пусть разбегаются все встречные ёжики и зайцы – я иду. Но реагируют только чёрные вороны, спокойно улетая вглубь

леса, да и то явно по своим делам, чего им опасаться в родном уделе? Оценивая немалую величину этих природных черноризцев и прикидывая размер клюва, без труда понимаешь, откуда берутся в сказках «вороны с носами железными, когтями булатными».

Прибыв на место и подвязав корзинку к поясу, начинаешь двумя руками собирать вожделенную сладость, невольно придерживаясь ритма: несколько горстей в тару, одну в рот, так что к ягодному финишу и кузов полный, и пузо тоже. Юркие малиновки порхают почти под руками, другие птицы тоже что-то нащебетывают; кузнечики хором, но на разные голоса исполняют кантату лесной поляны; солнце греет умеренно, комары под предусмотрительно повязанным платочком не очень донимают. На обратной дороге насобираешь лисичек, подберёзовиков, подосиновиков, белых. Ляпота... глядишь – и полдня долой. Чего ещё человеку на отдыхе надо?

А хочется человеку попасть в Святоборов лес, помнит он, как лет с восьми водил его отец в это заповедное место, где в урожайный год они моментом набивали корзины и собранный мешком отцов макинтош одними молодыми белыми. В неурожайный – тоже с пустым туесом не уходили. Перекусывали всегда в небольшой, единственной на всю округу, дубовой рощице на берегу пруда. Потом сидели, прислонившись к самому мощному стволу, и родитель всегда рассказывал что-то, учил жизни. О чём он толковал, уже забылось, спросить теперь не у кого – слишком рано он ушёл, а дорога запомнилась. Думалось – навсегда, ведь сколько раз бегал потом сюда один.

Оказалось – нет, две попытки добраться до этого сакрального места окончились неудачей. Оба раза забрёл в какую-то мрачную чащобу. Былые метки давно исчезли, старая дорога заросла до полной непроходимости: если в начале её ещё было немного видно и как-то удавалось угадывать направление, то потом понимаешь, что бредёшь уже по совсем фантомному пути. Попытки же добраться чисто по направлению неизменно приводили в мрачный овраг, заросший крапивой выше человеческого роста. За этим жгучим рвом пошёл совсем уже лешачий бурелом, выбраться из которого смог только по солнышку.

Старые земляки, помнящие этот лес, давно уже туда не ходят и дорогу толком объяснить не могут, понаехавшие же дачники из Питера и Москвы про него и не слыхивали. Неужели не исполнится моя хрустальная мечта?

Глава третья. Сон в руку

И вот лежу я после очередной неудачи вечером на диванчике и рассматриваю в свете заглядывающей в окно полной луны разводы от сучков на потолке. Дядюшка, отсмотрев очередную серию бесконечного милицейского сериала, похрапывает за перегородкой в своей спальне.

Мне же дремлет, но не спится. Мысли вертятся вокруг Святобора и его леса: неужели с древних времён сохранилось имя этого славянского бога? Попадался мне в своё время репринт какой-то дореволюционной книги, где было несколько легенд про этого лесного владыку – хранителя растений и зверей. Если это не поздние выдумки, то наш лес может быть старым святилищем.

В окно постучали, и приглушённый стеклом голос позвал:

– Мил-человек.

Выглянув на улицу, я увидел странного старца, как будто сошедшего со страниц сказки: в меховой одежде – летом-то, с резным посохом, длинная раздвоенная борода в лунном свете явственно отливала зеленью.

Подождав пока я открою створку, он продолжил:

– Загадаю-ка я тебе загадку: шли столбцом сын с отцом да дед со внуком. Сколько их?

Почему-то ничуть не удивившись, я подумал и сообразил:

– Трое.

– Верно. А ещё: шёл муж с женой, брат с сестрой да шурин с зятем. Много ли их?

Вот тут я не очень смекнул, но на всякий случай брякнул:

– Тоже трое. А к чему это вы?

Он как-то задорно мне подмигнул: «К трём, всё к трём, попытай ещё раз» – и исчез.

Я в недоумении вернулся на диван, лёг на прежнее место и... очнулся. Сон!.. Вот в чём дело, но слишком уж отчётливо я всё помню, обычно всё забываю. Посмотрел на окно – створка закрыта – приснилось. Похоже, под размышления о Святоборе он мне и привиделся... только всё так ясно и чётко помнится, что-то здесь не так. Почему бы и не попытаться на самом деле? Как говорил товарищ Сталин: «попытка не пытка, верно, товарищ Берия?» Верно... надеюсь.

Приняв это решение, я успокоился и заснул по настоящему – уже без видений.

Утром встал как обычно, перекусил, проводил дядюшку в больницу на ежегодное трёхдневное обследование, прихватил, на всякий случай, побольше бутербродов и отправился проверять: на самом ли деле Бог любит троицу.

В этот раз решил не ломится по старым следам, а попробовать пойти другим путём. Благодаря многочисленным порубкам, вот парадокс, в знакомых лесах стало больше новых дорог, так что выбрав, на мой взгляд, подходящую, я и отправился. На красоты в этот раз отвлекаться не тянуло, да и небо оказалось затянуто, так что шёл быстро, соображая на ходу, где свернуть с торной колеи. И всё равно, скорей всего, ни черта бы не нашёл, не встретить незнакомого грибника в старомодном, как у отца, брезентовом макинтоше. Ехидный такой старичок попался:

маленький, личико, как кора священного дуба, абсолютно чёрные патлы торчат во все стороны из-под легкомысленной бейсболки. Обсмеял всех искателей вчерашнего дня, но направление указал совершенно верно, уже минут через сорок я вышел к краю знакомого с детства Святобора. Пруд-то там в самой гуще Святоборова леса, а вокруг весёлый березняк с вкраплениями еловых островков. Да! Тут время, похоже, вовсе остановилось: никаких упавших стволов, всё опрятно, красиво, только что дорожек не проложено, под священными дубами ни одной веточки, вода в пруду чёрно поблескивает чистой гладью. Видел я лесные пруды, частенько их довольно быстро затягивает ряской и камышом, а тут стрельчатые листья и коричневые шишки рогоза только немного оттеняют с одной стороны девственную поверхность воды.

По традиции сел перекусить под дубами, заодно стараясь вспомнить, о чём же толковал мне тогда отец. Смутно забрезжило только, что речь шла о природе. Посидев с полчаса на берегу, отправился поохотиться на грибы и, удивительное дело, совсем недалеко от пруда наткнулся на небольшую избушку с колодцем у крыльца. На вид довольно древняя, оказалась она вполне крепкой, дверь без запора, внутри небольшая печка, стол, по двум стенам довольно широкие лавки. На полке запас разных круп в жестяных коробках, спички, соль, мука, несколько свечек. Я, конечно, знал, что когда-то тут стояла Пулина сторожка, по имени стародавнего лесника, но чтобы она дожила до современности... Вот как такое может быть? Я же бродил тут не раз и не два. Позже построили? Но она так вросла в землю своим явно древним срубом, что это просто невозможно. Не вылезла же она из почвы, как гриб. Судя по припасам, тут кто-то и сейчас бывает. Почувяв запах тайны и мистики, ощутил я противную слабость в коленях и решил от греха подальше двинуть восвоеси, плюнув на так и не найденные грибы. Подхватил на крыльце корзинку с кучкой ранее набранных лисичек и заспешил туда, откуда пришёл.

Так и перебирал ногами не бегом, но поспешая, пока не вышел из Святоборова леса в обычный. Тут, пробираясь через очередной завал, выломал себе на всякий случай из валежины крепкую палку и уже поспокойней двинул к дому. Шагал, шагал, потихоньку наполняя свой плетёный кузов подберёзовиками да сыроежками, пока не вышел... опять в образцово-парковый березняк, немного погода и дубы показались. Развернулся, и уже без всяких «тихий охот» как можно прямее двинул в сторону предполагаемого дома, точнее сориентироваться не получалось – солнце так не разу и не показалось из плотной пелены облаков. Так и шагал, выдерживая направление... чтобы через полчаса опять войти в заколдованный лес, теперь уже со стороны избушки. Вот тут тревога захватила не только коленки, но и сердце ощутимо

застучало изнутри, пот прошиб не на шутку. Немного справившись со страхом, развернулся и, памятуя, что здесь просто невозможно заблудится – не тайга же, предпринял ещё одну попытку. Дедушке в своё время случалось заплутать в пасмурную погоду, выносила его нелёгкая к далёким Прощам или Лбовским хуторам, в детстве это казалось почти в Казахстан, но на самом-то деле всё в радиусе двадцати километров, шагай, не сворачивая, и куда-нибудь выйдешь.

Но это теория, на практике же я раз за разом возвращался обратно. Не знаю, помог ли бы компас, но я самонадеянно не спросил его у дядюшки, и мобильник тут вне зоны. Уже в сумерках решил не бегать от судьбы и переночевать в сторожке.

Глава четвёртая. Во сне и наяву

Выкачав воротом из колодца воды, оказавшейся ничуть не затхлой, а напротив – свежей и вкусной, я растопил лежанку – дрова аккуратной поленницей высились под навесом одной из стен – и, сварив гречневой каши, принялся ждать неизбежного. Но ничего не происходило, просто под треск пылающих дров и круговорот тревожных мыслей я начал клевать носом. Чтобы неведомая опасность не застала врасплох, я подпёр дверь, оказавшуюся без засова, своим посохом, погасил свечу и прилёг на лавке, пристроив под голову штормовку.

В тревожной темноте беспокойство не отпустило, подстегнув рой мыслей, но в конце концов я всё-таки задремал, и привиделась мне всё та же сторожка, но освещённая непонятно откуда льющим ровным светом. Открылась дверь, и вошёл тот же зеленобородый старец, только одет он был на этот раз в длинное, чисто белое одеяние, без украшений и мехов.

Я хотел подняться, но, как часто случается во сне, не смог.

– Здрав будь, мил человек! – поприветствовал он меня.

– Здравсьте, – кивнул и я.

Гость или, скорее, хозяин, сел на свободную лавку, прислонил резной посох к стене, разгладил бороду и начал диалог, возможный только во сне.

– Призвали мы тебя по очень важному делу.

– Только не говорите, что я – избранный и должен победить мировое зло и сразить чёрного властелина! – нашёл в себе силы пошутить я.

– Эта священная роща – один из Алатырей земли русской.

– Так Алатырь вроде камень.

– На острове Буяне – камень, где-то скала, где-то озеро, тут – роща.

Все они хранят нашу землю от бед и напастей.

– Замечательно. А причём тут я?

– Слабеет сила этого леса, семя его новой мощи должны зародить волхв и жрица, соединившись в священном союзе под дубами в осеннее равноденствие.

– Хорошее дело... совет им да любовь. А причём тут я? Ведь я-то не жрец...

– Ты – последний из рода хранителей Алатыря Пулинов. Хозяин этой сторожки Пулин – твой предок.

Вот не знал, что я из рода этого полуполюгендарного лесничего, но... Я в сторожке опять один, тут всё так же темно, и возможность двигаться ко мне вернулась – проснулся. Воспользовавшись этим, затеплил свечу и сел обдумать услышанное. Случались у меня в жизни сны, повторяющие реальность один в один. Самый яркий в армии. Служил я в Уссурийской тайге телеграфистом на запасном узле связи. Сама точка располагалась под землёй, а жили мы в обычном домике неподалёку. И готовить завтрак, обед и ужин на всю смену и караул приходилось на печи самим. Конечно, эта почётная обязанность доставалась молодым бойцам, и вставать приходилось рано. А поспать так хотелось, что несколько раз мне снилось очень реально, как я встаю, затапливаю печь, варю кашу, подливку, делю масло, нарезаю хлеб и... просыпаюсь. Вот же-ж, всё с начала! И так раз за разом. Но это немного из другой оперы.

Можно б и этот случай списать на подобное, если бы не хождение кругами весь день и вечер. И про осознанные сновидения я читал у Кастанеды, фанател немного, все книги покупал по мере выхода, даже практически пытался поработать. С другой стороны, задание «соединиться со жрицей» звучит гораздо приятнее, чем сразить Волдеморта или прогуляться к Огнедышащей горе, лишь бы жрица не оказалась старой и страшной, как смертный грех. С симпатичной же вполне можно потрудиться на благо родной земли. Тем более – мужчина я теперь свободный и никаких моральных порогов переступать не придётся. Лишь бы она потом не поступила со мной, как паучиха «чёрная вдова» со своим кавалером. Только вот до дня осеннего равноденствия ещё прорва времени, торчать тут до осени мне как-то совсем не улыбается. Под эти мысли тревога моя как-то поулеглась, я прилёг обратно на скамью и опять заснул.

Проснулся я уже засветло, и разбудили меня не трели ранних пташек, а женское пение. Приятный голос выводил какую-то мелодию без слов, красивую, спокойную и завораживающую. Я подхватил свой посох и в слабой утренней дымке стал осторожно пробираться к пруду. Певунья, оставив одежду на берегу, как раз погружалась в его чёрные воды, запустив эстафету перекрёстных волн отражаться от берегов.

Вздвигнув от холода, просто наблюдая, я не мог оторвать взгляд от её нагого тела, немного зыбкого в лёгком тумане. Жрица была хороша. Не анорексичная модель, не хрупкая девушка, а женщина среднего роста в самом расцвете зрелой красоты. Никаких складок на гармонично

сложенном, хоть и плотном, так и излучающем энергию теле. Соразмерные бёдра, красивая грудь, как раз под ладонь не очень хваткого, вроде меня, мужчины. Тёмные волосы до плеч дополнили благоприятную картину. Погрузившись в пруд, она замолчала, проплыла от берега до берега и так же грациозно стала выходить из воды.

Чтобы не смущать незнакомку, я тихонько отступил обратно к избушке, хотя, скорее всего, это была намеренная демонстрация товара лицом... Лицо-то вот я толком и не рассмотрел, зато всё остальное на высоте.

Встретились мы у порога. Некоторое время с интересом рассматривали друг друга. Видавшие виды джинсы и не новая ветровка не портили первоначального впечатления. Приятные некрупные черты лица, большие коричневые глаза блестят задорно и молодо, ещё бы, после утреннего купания. Мокрые волосы закручены замысловатым узлом. Надеюсь, и я произвёл благоприятное впечатление.

– Здравствуй, добрый молодец! – шутливо поприветствовала она меня, отдавая поясной поклон.

– Здравствуй, красная девица! – в тон ответил и я, тоже пытаясь достать землю рукой.

– Как спалось на новом месте?

– Неплохо. Старцы разные занятные байки рассказывали.

– Не байки, друг мой, не байки – были. Семя, посаженное в день осеннего равноденствия, обязательно даст сильный побег.

– А если раньше?

Усмехнувшись, она с пониманием подмигнула:

– Раньше времени просто похоть потешить – это людское, лучше думай о миссии.

– О такой миссии и подумать приятно, только за шесть недель тут и засохнуть можно.

– Зачем же мучиться, сейчас выведу тебя на дорогу, а когда время придёт, приезжай в нужном настроении, и, ни с кем не встречаясь, прямо сюда.

Пока мы шли, узнал, что она потомственная хранительница, бабушка Федосья выбрала её из всех внучек и воспитывала сызмальства. А ведь слышал я про эту Федосью в детстве, шли мы как-то с ребятами по деревне Васино, и они, показав мне на один дом, сказали, что тут живёт ведьма и к ней в трубу прилетает огненный змей. Как примерный советский пионер, я тогда только посмеялся, а теперь вот оно как обернулось – роль этого змея предстоит исполнить мне, хорошо хоть в трубу лезть не придётся.

Похоже, моя ведьмочка что-то наворожила или лешему какому шепнула: на обратном пути прямо у дороги насобирав полную корзину красавцев белых без единой червоточки. Вот что значит обзавестись нужными связями.

Эпилог. День осеннего равноденствия

Надо отдать должное, встреча с красавицей-ведуньей излечила меня от всех меланхолий и кризисов, вновь проснувшийся интерес заставил проштудировать доступную литературу по древним славянским обрядам. И у академика Рыбакова нашёл довольно много материала по ритуальному соитию. Всё это связано с магией плодородия: в древности на поле для придания ему большей родящей силы встречались волхв и жрица, позже уже любая пара могла совершать это на своём поле, а к XIX веку первоначальный обряд выродился просто в кувырkanie и катание по вспаханному полю; особенно ушлые бабёнки старались повалить деревенский клир: попов, дьяконов и дьячков как заместителей стародавних волхвов.

Про священные места я ничего такого не нашёл, но это и понятно: тайны Алатырей – защитников родной земли должны были храниться более тщательно.

В другом я тоже вполне преуспел: по дороге выпросил у моей хранительницы Вероники номер телефона и названивал постоянно, традиционными письмами тоже не пренебрегал. В результате мы неплохо узнали друг друга, так что к миссии я готов на все сто... и к продолжению миссии тоже, не может же будущий маленький хранительчик расти безотцовщиной.

И вот я иду по увядшему полю, подхожу к кромке леса, останавливаюсь. Есть ещё время подумать, взвесить, повернуть, ведь после этого шага жизнь, скорее всего, изменится навсегда. Окидываю взглядом окрестности: природа начинает увядать очень величественно и красиво, не зря поэты так любят это «очей очарованье». Зацепившись за близлежащие кусты, деревья и травы трепещут нити тончайших паутинок, похоже, я застал время паучков-путешественников, покидающих родительское гнездо. Эти длинные волоконца трепещут от малейшего дуновения ветра, ни один лист не шелохнётся, а они всем своим множеством синхронно колышутся, создавая иллюзия почти невидимого невесомого потока, как будто сама природа или мать сыра земля дышит в своём изначальном ритме.

Заворожённый, я созерцаю это сакральное действо, боясь нарушить что-либо в этой одновременно и скрытой от всех и открытой для любого мистерии.

Сомнения мои уносятся прочь данным потоком, если я что-то могу сделать для продолжения всего этого, то вперёд, только вперёд.

Мама, здесь камни поют

Два короля и две королевы хорошо управляли своей страной. Царствование их было долгим и счастливым. Сперва они тратили много времени на то, чтобы найти оставшихся в живых приспешников Белой Колдуньи и уничтожить их. Ещё долго в диких уголках страны таились гадкие чудища... В одном месте являлась ведьма, в другом – людоед. В одном месте видели оборотня, в другом – рассказывали о кикиморе. Но наконец всё злое племя удалось истребить.

К.С. Льюис. Лев, Колдунья и платяной шкаф

Здесь души превращаются в камни,
К чему наш победный салют?
... Души превращаются в камни,
И, мама, эти камни поют.
*«Души превращаются в камни» –
гр. «Коридор» (А. Костюшкин)*

Мама, мне завтра исполнится девятнадцать.

А временами кажется – сорок, не меньше. Или все сто.

Завтра настанет совсем скоро – через час. Или раньше. Летнее небо темнеет медленно. Конечно, по узорчатым – прямиком из Калормена – коврам ходить босиком приятнее, чем по жёсткому ковылю. Тот лишь на вид кажется мягким. Но именно сейчас я хочу побыть один, мама. И если для этого надо спуститься по верёвке из окна собственной спальни, минув лишние расспросы хотя бы в замке, – невелика цена.

Четыре с половиной года я ношу золотую корону. Четыре с половиной года Верховный Король пытается управлять свалившейся на руки страной, не имея ни малейшего представления, как это делается.

Не знаю, заметила ли ты наше отсутствие. Может быть, давно оплакала нас, решив, что мы погибли под очередным налётом. Может, даже не обратила внимания. Время здесь и в Англии течёт по-разному, никогда не угадаешь, как именно. Но я всё же надеюсь, что прошло едва ли пара мгновений. Не хочу, чтобы ты оплакивала детей – всех четверых разом.

Довольно и того, что нас призвали сюда – не спрашивая. Вложили в детские руки настоящее оружие и велели сражаться с могущественной ведьмой. Обычным школьникам – завоёвывать троны, освобождать страну, а потом – править ею.

И теперь, спустя время, я оглядываюсь на прошлое и не могу ответить на вопрос, в самом ли деле мы пришли как освободители – неумелые чужаки, сходу вставшие под алые знамена. Мы даже осмотреться не

успели толком. Нас будто толкнуло, закружило, понесло как щепки в водовороте – навстречу событиям, пророчеству, Аслану. Дети, попавшие в сказку не во сне, а наяву. Тогда это казалось таким... правильным.

Наверное, Эдмунд был всё же в чём-то прав. Он единственный тогда спросил: откуда мы знаем, чья сторона правая? Естественно, его никто – и в первую очередь я – не слушал. Потому что он вёл себя как поросёнок. Потому что он младше. И потому что я, идиот, поверил ласковым словам первого встречного – и даже не удосужился их проверить.

А потом стало поздно. Потом, когда Аслан его спас. Когда я принёс Льву клятву, стал рыцарем, а после – королём. Теперь можно сколько угодно сомневаться и жалеть о сделанном – это не отменит тяжести обетов. Теперь я львёнок, мама. Он называет меня сыном, представляешь? Не сыном Адама – собственным.

Только я ещё помню, что моего отца звали иначе.

Иногда я тихо ненавижу королевские знаки отличия – и штандарт над Кэр-Паравелом, и собственный щит, и стяги, алые стяги, что так ярко плещутся на ветру. На них всюду – он. Золотой, сверкающий, затмевающий солнце и костры.

Мой Бог.

Наши соседи зовут его северным демоном, утверждая, что он лишь притворяется львом. Истинная же сущность его никому не известна, как и замыслы. Впрочем, и у нас говорят, что он *не ручной лев*.

Порой мне кажется, что калорменцы правы. Но это ничего не меняет. Я служу ему – демон он или божество. Он призвал меня сюда. Он подарил мне – или подкинул – целую страну. И оказал мне... нам услугу, которая не может быть ничем оплачена. За подаренную брату жизнь я плачу собственной, мама. Мне не нужно для этого умирать. Но иногда кажется, что лечь на Каменный стол под каменный же нож было бы проще.

Нож милосерднее.

У Люси, кстати, именно кинжал милосердия. Мизерикордия. Я не сразу понял, почему вместе с бальзамом ей подарили и кинжал. Дерущаяся Люси – это выше моего понимания. Но... бальзам лечит не всё. За кем-то смерть приходит, потому что наступает положенный час, и с этим ничего нельзя поделать. Но можно облегчить переход, избавить от лишних мучений.

Когда ей сказали об этом впервые... Говорят, она даже не рыдала. Только смотрела на застывшего после её удара – сатира, кажется. У него был распорот живот, он был не жилец. И дико мучился. Я не видел Лу на поле боя – не до того было, только уже вечером нашёл. Статуи в саду Кэр-Паравела живее, мама. Я всю ночь её успокаивал, как мог, обнимая и говоря, говоря обо всём на свете, как в детстве...

А за нашими спинами горели победные огни костров и факелов, нарнийцы пировали, поднимая нескончаемые кубки за Верховного Короля и Отважную Королеву. Кричали и восклицали: «Слава героям! Да здравствуют Их Величества!..» А Люси в моих объятьях не могла плакать.

Я бы согласился сам обратиться статуей, лишь бы сестре моей королеве не пришлось никогда приносить милосердие через смерть. Но королям не дана такая роскошь.

Поначалу мы и впрямь казались героями – себе. И другим. Просто нас окружала та часть Нарнии, которая и впрямь устала от вечной зимы, недолгоблывала Джадис или имела с ней старые счёты. И Аслан, конечно, с нами был Аслан. Только он ушёл быстро и тихо, не прощаясь, и многие уже наутро не помнили, вправду ли видели его – или всё пригрезилось.

А многие и не хотели помнить.

Далеко не вся Нарния ненавидела Джадис. Только всерьёз засеяв за историю, политологию и социальные науки, мы поняли, что это так. Она правила сотню лет. Сто пятнадцать, если быть точным. За это время сменилось не одно поколение. К зиме все привыкли, и тепло летних полян осталось лишь в легендах да в памяти редких долгожителей. Кэр-Паравел тоже был легендой. Пустой, застывший под слоем снега, он не внушал особых надежд. А зима – вокруг, а Джадис – рядом.

И нарнийцы научились жить в вечном холоде – и жили весьма неплохо. Воинственные соседи не совались, боясь Колдуньи, о еде Джадис заботилась – ей ведь надо было кем-то управлять. Думаю, она могла бы с лёгкостью обратить Нарнию поголовно в камень, но находила это слишком скучным. Гнев свой Колдунья обращала против тех, кто сопротивлялся, но таких было немного. Неудивительно, что все они собрались вокруг нас. Странно, что мы решили, будто это – вся Нарния, и она думает одинаково.

Самый голос любой нарнийской толпы уже есть сочетание разнообразных звуков. Раскатистый бас великанов, хихикание нимф, вкрадчивый шёпот фавнов, ржание, бляение, щебетание... Такой толпой сложно управлять.

Особенно – когда не умеешь ровным счётом ничего из того, что положено уметь правителю.

К тому же, в отличие от Джадис, мы ничего не знали о стране, в которой оказались, мама. О её разношёрстных жителях, их особенностях, о традициях... Пришлось осваивать всё в предельно сжатые сроки. Наш рабочий день начинался в пять утра и оканчивался к полуночи. Даже у Сьюзен залегла синева под глазами от вечного недосыпа.

Честно говоря, в нас не было ничего величественного – худые, нескладные, замученные неуёмным стремлением поскорее влиться в

свалившийся на руки мир. Последнее определяло не только то, сохраним ли мы короны на головах. Вопрос стоял о сохранности самих голов.

И, несмотря на взятый бешеный темп, мы чувствовали себя слепыми щенками, выброшенными в подъезд. Не имело значения, что стены у подъезда были обтянуты пурпуром и отделаны золотом.

...Помнишь, как мы вздрагивали от воя сирен, от равномерного гула самолётов? Как противно свистели летящие навстречу городу бомбы?.. Здесь, казалось, мы обрели мир и тишину. Но в обстреливаемом Лондоне я чувствовал себя спокойнее. Кому сдался обычный мальчишка? Разве что случайным осколком зацепит.

Верховного Короля кто только не пытался убить. Нас всех пытались убить – и не единожды. Каждому выделили телохранителей, но я не смог с ними ужиться. Они скользят неслышной тенью – шаг в шаг, след в след. Слышат каждое твоё слово, даже брошенное в сердцах... Я сбегал от них, они находили меня и отчитывали, как нашкодившего мальчишку. Да это и было поступком мальчишки. Но я ничего не мог с собой поделаться. Пока Эдмунд, страдавший от той же проблемы, не предложил решение.

Эдмунда нечисть, оставшаяся после Колдуньи, кажется, боялась сильнее, чем кого бы то ни было. Да что там – наши воины и те сторонились второго короля, когда он на рыжем своём Филиппе мчался впереди отряда. У него были совершенно страшные глаза, мама.

Честно? Я тоже его боялся. И, что куда хуже, – не доверял ему. Простил, но никак не мог забыть его предательства. Брат знал это. И предложил стать моим телохранителем отрешённо, будто не веря, что соглашусь. Но я так устал от постоянного ожидания стилета в бок или стрелы с крыши!.. Я отдал Эдмунду свой меч и повернулся спиной – без кольчуги, уткнувшись лбом в обитую бархатом стену дворцового перехода.

К стыду своему, я почти ожидал удара.

А получил – клятву защищать Верховного Короля хотя бы и ценой собственной жизни. От младшего брата, о котором мне бы самому заботиться. От двенадцатилетнего подростка, два года как носящего рыцарские шпоры. В оруженосцы берут позднее!..

Мама, ты можешь с полным правом гордиться младшим сыном. Он заслуживает этого куда больше, чем я.

Джадис когда-то была палачом Нарнии. Предатели, преступники, которым не было прощения, – все они становились законной её добычей. Взлетал и опускался каменный нож, выполняя будничную свою работу. В трещинах Стола, появившихся от старости, всю росла трава – кровь жертв служила щедрым удобрением.

Мнилось – мы другие. Справедливые, отважные, великодушные. Одним словом – великолепные. Так казалось нам. Казалось нашим подданным.

...Не всем.

Часть сторонников Джадис полегла в битве при Беруне. Что было делать с выжившими – пленными, ранеными? А теми, кто не вышел на битву? Кто отсиживался по тёмным норах и лесам, но ушей их достигла весть о гибели госпожи – и они полезли как тараканы из щелей на свет?..

Мы дрались. Отражали атаки и нападали сами. Нужно было выжечь весь очаг заразы, чтоб не осталось никого из приспешников Колдуньи. Чтобы ничего не повторилось.

Но не всех можно вызвать на честный бой.

Оказалось, нечисть творит свои козни не двадцать четыре часа в сутки. Она тоже нуждается во сне, крове и пище. Создает свои – пусть уродливые – семьи.

Знаешь, мам, политические формулировки такие... обтекаемые. Наведение порядка. Избавление от заразы. Я не особо вдумывался в них – головной боли и без того хватало. Только отдавал приказы: отправить отряд к истоку Великой Реки или к Западным болотам, где были замечены парочка вурдалаков, или кикимора, или оборотень. Выступить ранним утром. Великий Лев приходит с востока, с рассветом. Логично, если его король пошлёт отряды освободителей на заре. К тому же в это время нечисть наиболее уязвима – измотавшись за ночь, она готовится к дневной спячке.

Пока не довелось возглавить один из таких отрядов.

Мы дрались в сырой лощине, зажав там горстку огрызающейся нечисти. Перевес был на нашей стороне, и мы решили уже, что закончили на сегодня. Но Пёс беспокойно крутил головой, заявив, что чует кого-то ещё. Мы пошли за ним – и у чёрного провала пещеры действительно обнаружили троллиху. Видимо, она была из тех троллей, кому не страшен солнечный свет. Она швырялась огромными булыжниками; когда те закончились, кинулась на вооружённых воинов, подминая их своим весом, не боясь стали. Раздавила троих, ещё двоих приложила каменными снарядами, прежде чем ей снесли, наконец, голову. И тогда один из воинов сказал: «Это не просто стоянка. Это логово. Она защищала детеныша».

Я переступил порог пещеры. Следом, запаливая факел, шагнул один из воинов, фавн – Омнитус, кажется. Вонь стояла невыносимая, труп троллихи уже начал смердеть, хотя прошло едва ли несколько минут, как её убили.

Троллёнок обнаружился в глубине, обмотанный какими-то тряпками с бурыми следами. Оскалившись, он щурился из-под безволосых бровей от непривычного света. Я протянул руку – в латной перчатке. В

ответ он зачерпнул уродливой своей лапищей камень и бросил в меня. Быстро и метко – такую реакцию сложно заподозрить в совсем ещё детёныше. Я еле увернулся. «Осторожнее, ваше величество, – сказали мне. – Тролли только кажутся неповоротливыми, и многие заплатились жизнями, поддавшись этой иллюзии».

Я смотрел на озлобленного троллёнка – и вспоминал, что мать его, пронзённая несколькими мечами, лежит на пороге собственного... логова? дома? Что отец, скорее всего, убит ещё раньше в какой-нибудь из стычек. За что же ему быть со мной добрым? Верховный Король для него – такой же палач, как Белая Колдунья.

Будь я частным лицом, быть может, попытался бы что-то сделать. Может, забрал к себе и постепенно убеждал бы, что природа его – не приговор. Что разум и воля даны не просто так, а доброта сводит на нет любое уродство. Но я был чёртовым королём, который должен думать не о каком-то там тролле, а о стране, вверенной ему. О том, что таких детёнышей – десятки, сотни. И конкретно этот ничем не лучше и не хуже прочих, он просто подвернулся мне под руку. О том, что он подрастёт – и мои подданные окажутся в опасности. И, возможно, другой детёныш останется сиротой – или вовсе встретит безвременную смерть из-за того, что Верховный Король оказался слишком чувствителен.

Даже когда я впервые дрался с Могримом, сходя с ума от ужаса, мои ладони так не дрожали, мама. Риндон чуть не выпал.

– Ваше величество, позвольте мне... – начал было Омнитус, но я перебил его:

– Нет. Я отдавал приказы – уже не счесть сколько раз. На моих руках не видно крови, но она там есть. Почему я должен отсиживаться за спинами своих воинов, сваливая на них всю грязную работу? Ради чистоты и *великолепия* своего имени?

Троллёнок, будто что-то почувствовав, вновь оскалился. А в следующее мгновение голова его, слишком маленькая и лёгкая, покатилась в угол. В скудном свете факела она показалась валуном, одним из многих, что были свалены в углу. На тело я не смотрел. Вытирал меч – сразу, как меня научили. Никогда крови и грязи не оставалось на Риндоне.

Мама, меня вывернуло прямо на отполированный до блеска – даже в полутьме пещеры сверкал – меч. И ещё раз. И ещё – голой, горькой желчью, – время обеда давно уж минуло. Под колени рванулась склизкая сырость; выворачивало уже совершенно пустым воздухом. Казалось – из меня хотят вынуть душу.

А может, тогда и вынули, заменив первым попавшимся придорожным бульжником?..

Фавн не подходил ко мне. И правильно. Скажи он хоть слово, положи руку на плечо – я бы убил и его.

...Как полыхало бывшее логово троллей, очищая огнём грязь, кровь и мерзость, я уже не видел. У Верховного Короля довольно дел, чтобы любоваться пожарами.

Джадис хотела убить ребёнка. Моего брата. Но не убила. Верховный Король казнил детёныша собственноручно – и по его приказу сотни детей были убиты потому, что родились не у тех родителей. Милосердной может быть Люси, мне недоступна такая роскошь. И тем более у меня нет права упасть грудью на подаренный меч.

Мама... Неужели ты ещё не прокляла день, когда родила первого своего сына?

Знаешь, мама, по первому впечатлению мне казалось, что Нарния полна благородства. А значит, и целомудрия, да.

Я ошибался в обоих случаях.

Мама, ты учила меня бережному отношению к женщине. Казалось – я не смогу иначе, чем видеть в ней мать собственных детей. Любимую. Но всё пошло наперекосяк. Стыдно в этом признаваться – тебе. Остальным давно не стыдно.

Мне едва минула шестнадцатая зима. Здесь считают не по летам – по зимам, долго не мог привыкнуть...

Надо было лучше учить мифологию. Кто наши подданные? Нимфы. Сатиры. Фавны. Кентавры. Это не считая собственно говорящих животных. Они разумны, конечно, но животное начало в них очень сильно. А что говорить про наяд с сатирами, когда ещё по легендам нашего мира они любвеобильны без меры!..

В летние ночи здесь устраивают пляски и пьют вино, и звучит тягучая – разом и грустная, и весёлая – музыка. Под неё невозможно усидеть, и нарнийцы пляшут до утра. Только строй танцоров изрядно редет уже к середине ночи. И много, много находится желающих увести в тень от горячащих кровь костров Верховного Короля.

Поначалу это изрядно смущало. Потом... мне и самому начали сниться сны, о которых не хотелось бы тебе рассказывать. И после очередной стычки я дико устал, хотелось хоть как-нибудь расслабиться, и... я просто не стал её прогонять. Сил не было. Да и на прочее их тоже толком не хватило, она всё сделала сама – это я сейчас понимаю. Только и помню ветку незрелой ещё рябины в её волосах да алую тяжёлую ткань шатра.

Она была первой. Но далеко не единственной.

Я не помню их лиц, не знаю имен. Я никого не принуждаю, естественно, да что там – мне даже инициативы самому проявлять не требуется. Они приходят сами, мама. И я... не отказываюсь. Они красивы, порой – весьма умелы, порой – одурающе невинны. Честно говоря, мне всё равно.

Ни одну я не назвал бы женой. Королевой. Ни от одной не хотел бы взять на руки ребёнка.

...Эдмунду было пятнадцать, мама, когда он вернулся с припухшими губами и шальным блеском в глазах. Он вечно хотел быть на меня похожим, ты же помнишь... А здесь ему и вовсе не на кого больше равняться, кроме старшего брата. Верховного, мать его (прости, мам), Короля.

Мне стоило бы сказать, чтобы он не торопился. Чтобы не повторял моих ошибок, не закрывал сердце от настоящего, растратившись по мелочам.

Я сказал: «Брат мой король, как бы ни было хорошо тебе с женщиной – не расслабляйся полностью. Не оставайся в ней до полного удовлетворения. Нам не нужны бастарды». Эдмунд лишь кивнул, не сказав ни слова.

Я дико боюсь за девочку, мама. За сестер моих королев. Сюзен перебирает женихов уже третий год. Говорит, что желает только человека, а в Нарнии кроме нас людей нет. Сваты же с соседних стран ей не нравятся, и я не знаю – печалиться этому или радоваться.

Сюзен стала совершенной красавицей, мама. Самая красивая из нас, настоящая королева: и статью, и манерами. Будто всегда то при ней было. Но прозвали её не Прекраснейшей, не Великолепной, что пошло бы ей куда больше, а Великодушной. Душа её прекрасна не меньше тела, что само по себе редкость. И я боюсь за неё, мама. Боюсь, что красота её слишком велика даже для Нарнии. Что величие души обернётся великой болью, с которой Сюзен не сможет справиться – а я не сумею её уберечь.

Люси же, кажется, до сих пор не волнуют подобные проблемы. Это эгоистично, но... иногда я молюсь, чтобы так оставалось как можно дольше. Будь моя воля – я бы запер её в самой высокой башне Кэр-Паравела, лишь бы никакая грязь не коснулась Лу вовек. Но она захочет без своих полей и лесов, и я не судья своим сестрам и брату. Не имею права.

Прости, мама, я слишком откровенен. Но мне так давно и так отчаянно хочется поговорить с кем-то близким – даже если он по ту сторону старого платяного шкафа. С тем, кто меня бы понял. Только не с братом и сёстрами. К младшим не приходят облегчать душу.

Я цепляюсь за твой образ, за крохи воспоминаний из прошлого. Они становятся всё более размытыми и отдалёнными, но я не хочу их терять. Я не хочу забывать тебя, мама!..

Наверное, моя душа ещё всё-таки не успела обратиться камнем.

Впрочем...

Здесь есть легенда о поющих камнях. Я не видел сам, но рассказывают – где-то далеко на Севере в горах поздно ночью, как вот сейчас, можно услышать негромкое пение. Говорят, в незапамятные времена не только потоки и леса имели душу, но и самые камни. Говорят, у них были

покровительницы – ореады, горные нимфы, более всего любившие петь. Пока одна из них, самая красивая и звучногoлoсая, выводя тончайшую ноту на самом краю, потеряв равновесие, не сорвалась вниз. Прощальный вскрик её обратился эхом, гуляющим над горами. В знак горя от потери подруги остальные ореады обратились в камень. И лишь иногда, в безлунные ночи, они поют, вспоминая, как были счастливы.

Я бы хотел когда-нибудь услышать их пение, мама.

Наверное, ты думаешь, что мне хочется вернуть всё назад. Никогда не уезжать из обстреливаемого Лондона. Уехать куда угодно, только не к профессору Керку. Не подходить никогда к старому платяному шкафу. Порубить его на дрова, в конце концов!..

Нет, мама. Я бы ничего подобного не сделал, доведись мне прожить – и выбирать – всё заново. Шагнул бы следом за Люси сюда – снова.

Здесь моя страна. Мой – наш – Кэр-Паравел, завоёванная жемчужина. Наш дом. Окна его огромны, и под солнцем он сверкает, будто морская звезда выбралась на сушу и улеглась у воды. Здесь всегда есть чем заняться. Не то чтобы я скучал в Лондоне, но здесь мои действия приводят к куда более ощутимым результатам. Я пытаюсь сделать жизнь своих подданных легче, приятнее, разумнее. Это не всегда удаётся. Порой это изматывает, порой я готов проклясть золотую корону. Но это стоит того.

Здесь... меня любят. Открыто, шумно и суетливо. Тихо, смущённо, с искренностью, которую я вряд ли заслуживаю. Любят всех четверых, конечно, но Верховному Королю всегда достаётся чуть больше. Чуть больше дерьма. Чуть больше обожания простого народа. Это... великая честь для меня.

И я люблю Нарнию всем сердцем, мама. Её холмы и поляны, и тенистые леса, и бескрайнее море, что начинается у самых ступеней замка, и шёпот дриад, и гул тысячи ног, лап, копыт нарнийского войска. Её огромное небо с так непохожими на английские созвездиями – ярче в десятки раз. А может, это потому, что здесь нет туманов, как в Лондоне. Здесь солнце, мама, такое солнце!.. За один только его свет умереть не жалко.

Здесь мой Бог. Я не могу сказать, плох он или хорош. Каков бы он ни был, я служу ему – каждый день, каждый час. Не знай я Аслана, наверное, было бы проще – всем четверым. Но я не изменю ему. Кто поручится, что другой будет лучше? Нас связывает уже слишком многое. И я не привык бросать клятвы на ветер. Он не ручной лев, и я не пытаюсь его приручить.

Наверное, я люблю Его.

Я бы снова повторил свой путь, доведись начать сначала. Знаешь, мама, наверное, я всё-таки счастлив. Горьким, странным, непонятным

счастьем. Которое и на счастье-то непохоже, на первый взгляд. Но это моя судьба. Другой не дано. Другой я не хочу.

Пожалуй, пора возвращаться. Ногам холодно и влажно от выпавшей уже росы. Полночь давно минула, наступают самые тёмные часы ночи. Мне исполнилось девятнадцать, мама.

Мама... Может, ты всё-таки порадуешься немного и за старшего сына?

Надежда КАЛАШНИКОВА

Время на ладонях

Терция.

Час.

Тысячелетие.

Из них ведь складывается время?

Дни слепляются в столетия, складываются – пёрышко к пёрышку – в оперенье огромной птицы. Перья осыпаются – то проходит минувшее. И обновляются – вновь и вновь.

В жёлтых глазах – немигающая тоска.

Прошу – не грусти.

Не надо.

...Помнишь время под ладонями? Хрупкая на вид птица, разевающая клюв. Перья ершатся, колют руки. Не понимает, глупая, что для её же пользы удерживают её. Никогда не понимают, если делаешь добро. Птица вырывается, шипит. Ключётся – ощутимо, несмотря на обманчивую хрупкость. На ладонях от острых проколов появляется кровь. Стекает с рук – и замирает в воздухе, собираясь набухающей всё больше и больше каплей, но не падает вниз. Ты её всё-таки остановил. Замерло всё. Все замерли. Только ты мог двигаться, нечеловеческими – какими же ещё – усилиями препятствуя естественному ходу вещей.

Так трудно противостоять установленному когда-то ритму.

Так трудно сохранить установленный ритм.

Иногда.

Тик-так.

Казалось бы – всё позади.

Но в твоих глазах по-прежнему грусть. Я вижу её сквозь смешные чёрные стёкла. Я знаю, откуда она. Помнишь, как вихрем взметались галактики в твоих ладонях? Тогда ещё птица-время сидела, сложив огромные крылья. Сверкающая спираль изгибалась, сворачивалась змейй, выбрасывая кольца – весело и остро, будто дразнясь. Пока не

складывалась в задуманный узор, и тогда ты отпускал её. Сдувал с ладони – и птица взмахивала крыльями, начиная отсчёт.

Каково это – держать на ладони галактику? Ты улыбался тогда – немного усталый и совершенно неприлично, безбожно счастливый. Или же это божественное пламя плескалось тогда в твоих глазах?..

Я не теолог, не философ. Не знаю.

Теперь ты прячешь глаза – за стёклами, за позёрством и напускной злостью. Думаешь, так не видно осадка горечи?

Галактик нынче не создают...

Знаешь, мне не довелось творить.

Только беречь уже сотворённое.

Почётная должность. Я принял её, не рассуждая, хороша она или худа, подходит мне – или не очень. Быть может, задайся я этим вопросом, вся человеческая история пошла бы по другому пути... Но с каким восторгом – и не озвученной даже самому себе завистью – я смотрел на тех, кто хотя бы кончиком крыла прикоснулся к этому горчащему счастью – творить!..

Помнишь, как озарял твои крылья блеск крутящейся на ладони туманности? И как дымилась она позже – жжёные перья, покорёженные сухожилия, навеки почерневшая плоть.

И тогда же жёлтой змеей свернулась в твоих глазах тоска.

Тик-так.

Но замершее в твоих руках время – не помощь ли творениям, большим и малым?

Галактики не знают, кто вызвал их к жизни из небытия. Люди не знают, кто не дал их Земле рухнуть в объятую пламенем бездну. Так ли это важно? Если созвездия искрятся по ночам, если зелёно-голубой хрупкий шарик поймали, не дав ему разбиться?..

Когда ты отпустил птицу – набухшая капля крови сорвалась вниз и шлёпнулась оземь с отвратительным хлюпающим звуком.

...Помнишь, как с Его ладоней лилась кровь, увлажняя собой галилейскую землю? Он тоже держал в ладонях птицу-время. Он повернул её – на три вечных дня, переиграв в споре со смертью, людской косностью – и вечным страхом.

Не бойся.

Нам больше нечего бояться.

Помнишь, как небо касалось города дождём, смывая пролившуюся кровь? Смывало боль, страх и усталость не святой водой – обычной.

Тик-так.

Больше нечего бояться.

Может случиться всё, что угодно, но страх канул в бездну, над которой замер сине-зелёный шарик. А когда он помчался вновь, согреваемый

звёздными лучами, страх сгорел, осыпавшись пеплом на мостовую. И коснувшийся города дождь тут же смыл его.

Не вини себя за прошлое.

Не печалься о нём.

Тик-так, тик-так...

Клюнет – или взмахнёт крылом?

Видишь, тучи после дождя расходятся, рваные, будто парус на пиратской бригаantine.

Видишь – проступают звёзды на дрожащем вечернем небе?

Тянет мокрыми цветами и бензином.

И булочками, кто-то печёт булочки совсем недалеко...

Ты ведь знаешь, что случается с падающими звёздами? Люди загадывают на них желания.

Двойные звёзды, безумные красные гиганты, тусклые угасающие карлики, едва зародившиеся из очередной туманности... Все они завершают свой цикл одинаково. Чтобы подарить кому-то мечту, обязательно быть ярким гигантом.

Можно выбирать.

Не оглядываться на заранее выточенные стерильные лекала, в которые не уложиться, не отрубив по живому «лишнее». Можешь быть кривым, ершистым, колючим, мрачным. Хорошим, как бы старательно не пытался это скрыть.

Можешь быть, забыв о второй части извечного вопроса. Ты ещё не привык к этой мысли. Хотя она такая простая. Может, поэтому так сложно к ней привыкнуть?

Привыкай. Я подожду.

Нам некуда торопиться.

Наконец-то – некуда.

Птица-время расправляет огромные крылья. Чёрные её глаза – слышишь, чёрные! – прекрасны, как ткнувшийся в ладонь мокрый нос доверчивого щенка.

Теперь уже я буду ждать тебя – сколько угодно.

Если захочешь.

Если не захочешь... Что же, твоё право. Тогда иди один.

Я знаю, что ты дойдёшь куда угодно.

...Надеюсь, где-то невзначай, совершенно случайно, ненароком – наши дороги пересекутся вновь.

Тик-так...

Хлопают крылья птицы-времени. Живые её чёрные глаза, подвижные и блестящие, смотрят за горизонт.

Греется в звёздных лучах сине-зелёный шарик, поворачиваясь к близкой звезде то одним, то другим боком.

Спиральные вихри галактик, закрученные на заре времён, всё ещё посылают свет сквозь бездонную космическую тьму.

Что бы ты загадал, встретив падающую звезду?..

Я бы хотел увидеть, как растворяется вечная тоска в жёлтых змеиных глазах.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так...

Не грусти.

Стас КИСЛИЦЫН

Рыбалка в аду

Отрывок из романа «Рунная печать»

Портал Демонов остался далеко позади двух друзей. Под голодное урчание своих желудков напарники брели который час по широкой неровной дороге, петлявшей между невысокими холмами, в сторону виднеющейся на горизонте огромной башни. За всё то время, пока гном и варвар шли по этому миру, они не встретили ни единого живого существа. Разве что в самом начале огромная летучая мышь с какой-то добычей в своих лапах покружила над ними, словно прислушиваясь к оживлённой беседе, касающейся планов товарищей найти и выкрасть Рунную Печать. Однако Бальдар, разозлённый тем, что тварь в небе нашла себе пищу и теперь словно издевается, дразня и делая круги над ними, метко швырнул в неё камень, и нетопырь унёсся прочь.

– Как думаешь, чем тут местные питаются? – грустно спросил варвар у своего товарища.

– Глупцами, сунувшимися в эту преисподнюю. Наподобие нас с тобой, – раздражённо бросил гном. – Может, хватит разговоров про еду? Словами сыт не будешь, или у тебя другое мнение?

Волк вздохнул и не стал отвечать. Некоторое время они шли молча, бросая взгляды на окружающий их неприветливый пейзаж, окрашенный в зловещие оттенки. Земля под их ногами была цвета засохшей крови, в красном небе застыли багровые облака. Чёрные ветви редких деревьев шелестели грязно-оранжевыми листьями. Даже трава и та отталкивала взор своими неприятными ржавыми оттенками.

Поднявшись на очередной холм, Волк посмотрел направо и удивлённо воскликнул. Варвар указал гному рукой на то, что привлекло его внимание – там внизу, вдалеке среди камней, поблёскивал широкий ручей, а может даже и небольшая речка.

– Бальдар, смотри, там вода!

– Я что-то не хочу пить, тем более из источников этого неприятного мира.

– Ты не понимаешь! Возможно, здесь водится рыба или другие животные. Нам срочно нужна хоть какая-нибудь пища. Мы с тобой настолько голодны, что скоро упадём без сил. Давай спустимся с дороги, проверим, – объяснил варвар и, не дожидаясь ответа от напарника, пошёл вниз.

– погоди, я с тобой! – гном двинулся вслед за ним.

Через несколько минут они оказались на берегу. Вода оказалась удивительно чистой, и на мелководье, в слабом течении, напарники разглядели множество резвящихся мальков. Судя по тому, как водная гладь темнела к середине, эта небольшая речка всё же была довольно глубокой.

– Рыба тут есть! – радостно потёр руки варвар.

– Да, вижу я, вижу! Но только как её поймать? Я, знаешь ли, не силен в этом плане. Вся рыба, что я когда-либо ел, была либо уже приготовлена, либо куплена на рынке.

– Уж поверь мне, без улова мы не останемся. – успокоил гнома Волк. – Я – профессиональный рыболов, не раз выходил в море на китобойном судне! Всё очень просто: нам надо соорудить гарпун и найти тут самую крупную рыбину. А дальше дело за точностью броска. Так, нож у меня есть, нужна лишь длинная палка.

Варвар начал оглядываться по сторонам, а затем направился к ближайшим деревьям.

– Ты точно профессионал? – нахмурился гном. – Вроде как способ ты выбрал немного не тот. Мне кажется, что в речках ловят рыбу с помощью сетей или прутьев, к которым крепят длинную тонкую нить, а на её конец цепляют крючок с наживкой.

– Зря во мне сомневаешься, – отозвался Волк, отламывая подходящую для его целей ветку. – Сеть нам сделать не из чего. А про эти палки, или как их ещё называют – удочки, вообще забудь. Что ими вообще можно поймать? Ту верхоплавку, что мы видели на мелководье?

– Ну почему же? Может, здесь есть рыба и покрупнее, – возразил гном.

– Вот именно! – варвар уже занимался тем, что прикреплял к палке один из своих ножей. – На это и весь расчёт. Осталось только найти подходящую добычу.

Волк закончил мастерить импровизированный гарпун, больше похожий на неуклюжее копьё, и медленно пошёл вдоль берега. Заинтригованный, но сомневающийся в успехе, гном последовал за ним.

Примерно через полчаса блужданий Бальдар не выдержал и поинтересовался:

– Ну, долго ещё ты будешь искать в этой луже своего кита?

Варвар остановился и почесал лоб.

– Язви дальше, – отозвался Волк. – Я-то знаю, что всё правильно делаю. Ищу, где тут может стоять крупная рыба. Просто за прошедшее время не увидел ничего подходящего. Хорошо, пробуем другой способ. Должны же тут быть хищники...

С этими словами, он рассёк себе ладонь и направился прямо в речку. Зашёл туда по пояс, поднял одну руку с гарпуном наизготовку, а вторую – держал впереди себя, давая каплям своей крови падать в воду ниже по течению.

– Похоже, всё это кончится тем, что мы будем ловить мальков штанами и готовить из них суп, приправленный травой. С чего и следовало начать эту дурацкую рыбалку, – вздохнул гном. – Хорошо хоть я догадался прихватить с собой этот железный армейский шлем, который можно использовать в качестве котелка. Пойду-ка соберу костёр.

Бальдар успел набрать сухого плавника, разжечь огонь и поставить на него воду в «котелке», а Волк всё ещё стоял по пояс в реке без видимых результатов. Гном хмыкнул и собрался уже предложить наловить мелочи на уху, но тут коротышка заметил то, чего не видел варвар, потому что стоял спиной, – выше по течению пошла какая-то сильная рябь. Словно длинное и крупное тело двигалось у поверхности воды по направлению к рыбаку.

– Волк! – предупреждающе воскликнул гном. – Обернись! Сзади!

Варвар оглянулся в последний момент, когда из воды показалась зубастая пасть хищника, почуявшего запах крови – даже несмотря на направление течения. Волк, не раздумывая, метнул копьё прямо в открытую глотку, уже готовую вцепиться в свою жертву.

– О чём я и говорил, без еды мы не остались! – самодовольно прокомментировал результат своей рыбалки варвар, ожидая пока длинное тело речного обитателя перестанет биться в предсмертных судорогах.

– Ладно, признаю, ты настоящий профессионал, – радостно согласился гном. – Давай уже тащи эту змею, или что ты там поймал, на берег. Часть мы отварим, бульончик разольём по фляжкам на будущее, вдруг пригодится, а остальное пожарим на углях. Эх, закатим сейчас самый вкусный обед в нашей жизни!

Так их и застали враги.

Наслаждающихся сытной едой, повеселевших и громко болтающих напарников обнаружил военный отряд. Солдаты, которые по указанию Принца Никорга направлялись к открывшемуся Порталу, почуяли издали аромат жареного мяса. Три десятка крупных, вооружённых арбалетами и мечами, демонов окружили друзей, которым ничего не оставалось, кроме как поднять руки и сдаться.

– Кто вы такие и зачем проникли во владения Хаоса? – прорычал командир адских тварей, отличавшийся от своих подчинённых более

мощным сложением, а также большим количеством багровой краски на доспехах.

– Мы ушибленные на всю голову рыбаки-авантюристы, – глазом не моргнув, соврал Бальдар.

– Контуженые, что ли? – не понял демон.

– Нет. Просто мы безумно увлекаемся своим хобби, – объяснил гном. – Всегда в поиске острых ощущений. Забраться в какую-нибудь глушь, за сотни вёрст от цивилизации, чтобы поймать там рыбки, – милое дело. В этом вся наша жизнь. Шли и сами не заметили, как оказались непонятно где. А тут речка попалась, решили проверить, что можно поймать. Собственно говоря, места здесь у вас замечательные, и рыба – во-о-от такушая, кому дома расскажем – никто не поверит.

– Наивные. Вы уже не вернётесь из нашего мира, чтобы поделится этой своей историей! – хохотнул командир, и, вторя ему, засмеялись другие демоны.

– Нет, ну если вы настаиваете, мы никому ничего не расскажем про эти места, – быстро согласился гном. – Мы же не знали, что это ваша речка. Будем молчать как рыбы. Только отпустите.

Один из солдат подошёл к своему начальнику и что-то прошептал тому на ухо.

– Да, ты прав, – кивнул командир. – Перекусить не помешает.

– Ну вот же, вот! У нас всё готово, прошу к столу! – радостно воскликнул Бальдар, указывая на костёр, где всё ещё жарились куски мяса. – Угощайтесь, тут на всех хватит.

Демоны снова расхохотались.

– Командир Кром, может, оставим их в живых? – давась смехом, прорычал тот солдат, что недавно обращался к главе отряда. – Такие смешные! Поселим их в клетке в наших казармах, всё равно по вечерам делать нечего. Так хоть посмеёмся над этими рыбаками.

– Брах, ты же сам только что предложил их сожрать? – ухмыляясь, спросил командир.

– А это мы всегда успеем!

– Верно, – Кром перестал смеяться. – Но как быть с приказом Повелителя Никорга? Мы должны добраться до Портала и охранять проход, а там и до вторжения недалеко! У нас не будет ни времени, ни возможности возиться с этими двумя! Всё-таки лучший вариант – сожрать их прямо сейчас.

Гном и варвар обменялись обречёнными взглядами.

Твари угрожающе надвинулись на них, нацеливая свои арбалеты. Но в этот момент воздух сгустился, и прямо перед напарниками материализовалась фигура высокого воина в серебряном доспехе.

Демоны тут же опустили своё оружие и преклонили колени.

– Гном и варвар? – спросил прибывший, оглядывая напарников. – Да, похоже, это именно те двое, о ком сообщил Дракул.

– Повелитель Никорг, – сказал командир. – Мы направлялись к порталу, согласно вашему приказу, когда нашли этих двух контуженых рыбаков.

– Каких рыбаков? – переспросил Принц Хаоса.

– Они сами так сказали, – заявил Кром, пожимая плечами. – Мол, проблемы с головой заставили этих бедолаг искать новые места для рыбалки прямо в аду. Вон их улов...

– Это чушь. Они вражеские лазутчики, – отрезал Никорг. – Генерал Дракул только что предупредил нас об их появлении. Я даю вам новый приказ: возвращайтесь в Акалидар, срочно отведите их в подземелья Башни. Генерал будет ожидать их там. Он считает, что эти двое обладают какими-то крайне важными сведениями и собирается их допросить. Ни один волос не должен упасть с их голов, хм-м... Они что, бритые? В общем, доставьте пленников целыми и невредимыми.

– Дракул прибыл в Башню? Но как? Когда он успел? – удивлённо переспросил Кром. – Едва портал открылся, мой отряд первым отправился к нему. Как вы и распорядились. Мы никого не встретили по пути, кроме этих рыба... то есть шпионов.

– Генерал прибыл к нам в облике летучей мыши, – холодно бросил Никорг. – Вы были недостаточно внимательны. Впрочем, как и все остальные, следующие за вами отряды...

Командир отряда тут же начал мямлить какие-то оправдания в свою защиту.

– Тот нетопырь, ну помнишь, который в самом начале кружил над нами, – тем временем прошептал гном варвару. – Это и был Дракул! Он наверняка успел подслушать часть нашего разговора. О чём мы тогда болтали?

– Да обо всём сразу, – тихо ответил Волк. – Ты его прогнал на том моменте, когда снова завёл пластинку про то, что ваша артиллерия сможет разнести портал и нам нет нужды куда-либо идти.

– Эх, надо было в него посильнее камень бросить. А ещё лучше сразу секиру метнуть.

Варвар удручённо кивнул головой.

– О чём вы там шепчетесь? – поинтересовался Никорг, отвлекаясь от потока оправданий командира отряда демонов.

– Мой друг переживает, что мы рыбаки, а не охотники на летающую дичь, – ответил варвар.

– Хватит врать! Кто вы такие мне прекрасно известно! – отрезал Принц Хаоса и обратился к всё ещё бубнящему извинения Крому. – Ведите их в Башню, немедленно! Я же отправляюсь к брату Белоргу, чувствую, он зовёт меня...

Никорг начал медленно растворяться в воздухе.

– Пошли уже! – рявкнул Кром, как только Принц исчез. – Брах, заведи с собой их оружие.

Гном и варвар, подталкиваемые солдатами, начали взбираться на пригорок, чтобы вернуться на дорогу, ведущую к возвышающейся на горизонте башне.

– Ну, в принципе, неплохо вышло, – прошептал Бальдар. – Нас, доставят как раз туда, куда и надо было добраться. Главное, на месте сориентироваться и суметь раздобыть то, за чем нас послали.

– Ага, только не забывай, что нам ещё предстоит возвращаться обратно, – вздохнул Волк, – как-то пройти незаметно сквозь все армии демонов.

Гном нахмурил брови и начал думать о возможных вариантах возвращения, благо недавний приём пищи способствовал этому процессу только с лучшей стороны, а впереди намечалась долгая и скучная дорога к башне Повелителей Хаоса.

Наталья КОЛЕСОВА

Рецепт Мариссы

Из повести «Вслед за радугой»

Арон помедлил перед тем, как взойти на корабль. Вся команда сейчас на берегу, веселится, отдыхает, радуется, что капитану приспичило отправиться именно на Таричес. Так что на альбуле сейчас только вахтенный, но рисковать показывать своё «опрокинутое» лицо не хотелось: он ведь гордится собственной невозмутимостью, тем, что окружающим трудно угадать его эмоции, его мысли! Пришлось глубоко вздохнуть-выдохнуть, выдавливая душасщее ощущение провала, расслабить мышцы лица – и уже потом взбежать по сходням, выкликая вахтенного.

Но вместо дежурного навстречу неожиданно вышла Марисса. Последний раз Арон видел её в объятьях двух красивых мальчишек-островитян, уводивших корабельного врача в квартал удовольствий: та выглядела довольной, как кошка в предвкушении миски со сливками. Ещё и помахала ему с неким злорадством: ты, мол, беги по своим неотложным делам, а у меня тут кое-что поважнее намечается! Помнится, он ещё искренне позавидовал, не особо анализируя, кому: то ли Мариссе, то ли самим островитянам.

– Ты что-то рано вернулась!

Женщина широко зевнула и впрямь, как кошка: подняв голову, изогнувшись-потянувшись всем своим крепким телом.

– А с чего мне там оставаться-то? Мальчишки отработали программу по полной, да ещё и сверх того, так что я во-от какая довольная. А

раз уж я всё равно здесь, отпустила вахтенного, пускай развеется. Спать я предпочитаю в собственной уютной роскошной каютке!

Арон невольно хмыкнул: на его «Гончей» ни роскоши, ни уюта сроду не водилось. Вот ещё одна бродяжья душа, для которой дворцы местных царьков и дома зажиточного Круга Серебра всегда слишком громоздки, нелепы. Чужие.

– А ты, я смотрю, – продолжила Марисса всё тем же легкомысленным тоном, – никакого удовольствия от Таричеса в этот раз не получил?

Тёмные её глаза внимательно вглядывались в его лицо: иногда Арон забывал, как пронизательна эта шумная ехидная женщина.

– Что, не нашёл его?

Притворяться больше не имело смысла: Альбатрос махнул рукой и уселся прямо на палубу. Увидел подsunутую под нос сигарету, издающую знакомый приторный аромат. Травка? Самое то сейчас. С силой затянувшись, придержал выдох и протянул хозяйке. Ты выставила перед собой ладонь:

– Пропускаю. Рассказывай!

Для разгона он начал всё-таки с воришки. Врач с удовольствием похихикала над тем, как благодарная девчонка обокрала своего спасителя. К концу рассказа уже двое сидели бок о бок на тёплых досках палубы и заботливо передавали друг другу тлеющую сигарету.

– Вот так, – как бы ставя точку, Арон сделал последнюю длинную затяжку и отправил сигарету за борт. Оба машинально проводили глазами полёт стремительной звёздочки. Травка помогла, приглушила разочарование и злость от неудачи – как будто случилась она энное время назад. – Чего только невзначай не наслушаешься о нас, об алонкеях: ещё и Круг Обсидиана в кровососы записали!

Марисса вымолвила – крайне серьёзно:

– Очень советую не интересоваться, из чего делаются лекарства. Во-первых, не отвечу, во-вторых, вовсе лечиться перестанешь.

Арон внял совету – у него имелись более важные вопросы.

– Я уже на пристани прикидывал взять старика с собой, показать сильным врачам. Как думаешь, может вернуться память к больному Трепетом?

– Наверяд ли. Судя по признакам, этот твой... Ворчун пережил массивное кровоизлияние в мозг. И если ничего не изменилось за последний год, дальше будет только хуже.

– А на вашем Алом Трепете кто-то пытался работать с такими больными? Лечили или хотя бы улучшали состояние?

Женщина помедлила перед ответом, показалось даже, что машинально нащупывает только что выброшенную травку. Не нашла и вздохнула.

– Пытались. И пытаются.

– И?

– Что – и? – уже раздражённо откликнулась Марисса: всегда нервничает, когда приходится говорить об Алом Трепете. Женщина покинула этот плавучий остров-госпиталь-лабораторию пару лет назад. Как Арон предполагал, не совсем добровольно: или из-за внутривулканических дряг Круга Обсидиана, или вовсе удрала, натворив каких-то дел. Альбатрос никогда не лез «под кожу» своему экипажу, предпочитая испытывать в деле. Немного рискованная тактика, но он ведь не агент Тихого Приказа или Ртути. – Если бы лекарство от Трепета было создано, об этом бы уже трубили по всему океану! Больных детей кое-как удаётся адаптировать – конечно, далеко не всех – а вот взрослых, тем более старых, тем более таких «тяжёлых»... – Женщина махнула рукой.

Арон молчал, ругая себя за всколыхнувшуюся надежду. Корабельный врач не отступала, борясь со старухой-смертью кулаками, ногтями и зубами до самого последнего вздоха больного или раненого – а иногда и того дольше. Раз она говорит, что надежды нет...

– Так, – неожиданно деловито сказала Марисса, поднимаясь и протягивая ему руку, словно старику или тяжелобольному. – Вставай, капитан!

Потирая отсиженный зад, Арон поднялся. Врач решительно взяла его за уши, придвинув лицо вплотную, оглядела внимательно: раздвинула веки, оттянула нижнюю губу, зачем-то полезла в рот – зубы пересчитывать, что ли? Невнятно от исследующих пальцев он прокомментировал неожиданный осмотр:

– За три часа не подхватил ни чумы, ни лихорадки, ни проказы, ни любовных болезней...

– Оно и видно! – Марисса отпустила его, сообщила назидательно: – Мой вердикт: критический недостаток алкоголя в организме и общий недотрах, вызванный долгим плаваньем. Мой рецепт: как следует напиться и отодрать всё, что движется. Можно и что не движется.

Арон засмеялся:

– Обожаю твои рецепты! Они всегда так конкретны и понятны...

– Я бы помогла и с первым, и со вторым, но сейчас тебе лучше убраться с корабля, чтобы команда не увидела кислую морду своего капитана! Проваливай, и чтобы я тебя здесь как минимум сутки не видела! Да поживее!

Понукаемый покрикиваниями, подталкиваниями, а то и лёгкими пинками Арон «убрался» с собственной альбулы. Побрёл по пустынной тёмной пристани – Сохо уже ушла с небосклона, очередь Рохо ещё

не наступила, на небесах лишь звёзды. Оглянулся на тёмный силуэт женщины, подсвеченный кормовым фонарём: та то ли помахала ему на прощание, то ли вообще кулаком погрозила. Арон глубоко вздохнул и подумал вслух:

– А почему бы и нет?

Сутки-не сутки, но воротился он только к следующему вечеру. Вернувшаяся часть команды приветствовала капитана лениво, но искренне: были благодарны за недолгий, но очень редкий и дорогой отдых на Таричесе. Сейчас он наверняка выглядел таким же расслабленным и довольным. Хорошо, что о его поисках знают лишь врач и помощник: для других хаотичные метания по Таплису были обычной придурыю... то есть свойством характера всех Альбатросов. Иначе бы его сейчас завалили вопросами и неуклюжим сочувствием.

Гаспар встретил Арона привычным бурчанием: поди собери всех к утру, может, придётся отплывать только с половиной команды, а всё потому что он, помощник, всегда не в курсе, что взбрѣдет в голову их капитану... Арон ответил так же привычно – похлопал по широкой спине, фальшиво посочувствовав невезению подчинѣнного: плавать с таким придурковатым командиром целых десять лет, это ж какой ангельский характер иметь надобно! Ну что, как говорится, большому кораблю – большие волны!

Наталья КОЛЕСОВА

Интервью в группе «Для тех, кто любит читать фэнтэзи»

17 февраля 2020 года

Здравствуйте. Начнѣм со стандартного: с какого момента началась ваша полноценная литературная деятельность?

Не очень уверена, что подразумевается под «полноценная литературная деятельность»? Начало выхода книг? В 2007 г. напечатали первую – «Карты судьбы». Но писать начала задолго до, ещё со школы, иногда дописывала, иногда нет.

Расскажите о творческих планах: что пишете, что сейчас готовится к изданию и переизданию?

Сейчас заканчиваю большую повесть из мира «Граней Обсидиана». Кто читал, может, помнит кастеляншу Берту, практически вырастившую троих детей Волчьих лордов: ещё тогда маленьких Фэрлина, Бэрина и Найну. История, возвращающая нас на тридцать лет назад, когда Берта только попала в Замок. Повесть печальная, поэтому пишется медленно 😊 Весной в книге «Кипящее море» выходит также большая повесть «Вслед за

радугой». Очень интересный мир Аквы – морские приключения, тайны, романтика и немного волшебства. В планах переиздание и выход новых книг, но планы имеют свойство не сбываться, когда я о них рассказываю. Поэтому пока помолчим 🙊

Как рождается сюжет? Что служит толчком к написанию той или иной книги?

Иногда снится сцена или даже сериал, которые при пробуждении не забываются. Записываешь в блокнотик или сразу в файл – и дальше уже раскручивается какое-то действие. Понятно, что «сонные» заметки не все ушли в тексты. Но так появилась «Кобуци», книга «Король на площади», первая часть «Призрачного романа», повести «Я умерла», «Пифия».

Иногда всплывает первая фраза. Заинтересовываюсь, прокручиваю в голове: о чём это? кто это? И тогда постепенно проступает ситуация, появляются герои: «Как я мужа искала», «Управление»...

Ну и влияния прочитанных книг и фильмов никто не отменял.

Хотелось ли вам хоть раз убить своих героев?

Келдыша. Много раз.

Были ли какие-то идеи, которые не удалось воплотить? Незавершённые сюжетные ходы или что-то пришлось намеренно вырезать?

Ммм... не припомню. Разве что при сокращении что-то не слишком нужное убирала.

Расскажите о книге «Броманс». Как к Вам пришли герои?

«Броманс» пришёл ко мне с первой фразой: «Это был самый красивый мальчик из всех, кого она когда-либо видела». С героиней – ловкой, сильной, грубоватой, которую многие принимают за парня. С героем – красивым, обманчиво-хрупким, с тщательно скрываемой ото всех тайной. Мир-время-место действия мне тогда ещё были неизвестны.

Как создавались «Прогулки по крышам»?

Ну, собственно, «Прогулки» начались тоже с фразы: «Так-так-так, и чем мы это тут занимаемся?» Противостояния девочки-ромашки и отчаянно придирающегося к ней школьного учителя. Я была уверена, что это повесть о том, как ни в чём не виноватого подростка подозрениями довели буквально до самоубийства – прыжка в Котёл. На том история и должна была закончиться. Но вот подишь ты – Агатка неожиданно хапнула магии, а потом мне приснилась Кобуци. И книга двинулась дальше.

«Драконий жемчуг», «Призрачный роман» – весьма своеобразные произведения. Почему вас привлекла именно тематика восточного фэнтези?

Всё началось с корейских, потом и китайских, японских сериалов: здравствуйте, люди с другой планеты! Иные лица, обычаи, менталитет. Другие история, мифология, религия, в отличие от европейских практически для меня неизвестные. Многого начитывалось, смотрелось, изучалось, ну и, как и всякие новые впечатления, вылилось в тексты. Один из главных

героев мистического «Призрачного романа» – наш российский кореец, а действие фэнтезийно-исторического «Драконьего жемчуга» и вовсе происходит на острове Чеджу. На котором, кстати, мне посчастливилось побывать.

«Карты судьбы» – своеобразный сборник рассказов. Этот цикл окончен или будет ещё продолжение?

Все эти истории принадлежат одному и тому же миру – горному Сунгану. Вряд ли будет какое-то прямое продолжение, но в «Гранях Обсидиана» упоминается о Сунгане, а в истории Берты и вовсе появляется странствующая по мирам и временам гадалка из «Карт».

И последний, по традиции, творческий вопрос: откройте нам тайну какого-нибудь персонажа?

Какие тайны? Они все как на ладони! 😊

Олег НЕСТЕРЕНКО

Рыцарский подвиг в Першанделе

Отрывок из романа «Рыцарь и ведьма»

– Значит, вы рыцарь? – не столько уточняет, сколько предлагает обсудить Хага.

Я оценивающе смотрю на неё. Прикидываю: если я сейчас начну рассказывать истории своей рыцарской юности, полные отчаянного, тогда ещё искреннего романтизма, хватит ли ей хладнокровия, чтобы не заткнуть мне рот поцелуем? Сознаюсь, что, бывало, использовал особенно волнительные эпизоды своей карьеры для впечатления барышень. Впрочем, Хага, похоже, не из впечатлительных. Так что внезапных сердечных осложнений с её стороны можно не опасаться. И всё же я колеблюсь, что бы такого рассказать, да Хага сама приходит на выручку:

– Тот случай с драконом, про который все писали... Когда это было? Года два назад?

Я грустно усмехаюсь. Это как раз чуть ли не самый пронзительный сюжет. Паруса яхт в лиловых сумерках над морем, девушка и гигантский дракон – всё это было словно в другой, бесконечно далёкой жизни. Даже не верится, что прошло только два года.

– Да... писали об этом все подряд, хотя для меня та история – одно из самых интимных переживаний. Да и вообще, в центре внимания я оказался случайно. Просто вся ситуация вышла слишком резонансная. Даже не знаю, с чего и начать... Дело было на острове Першандель. Сам я с Севера. Серые долгие зимы, тусклые будни. Охота и выпивка – вот единственные увеселения для мужчин. Отвлекаться особенно было не на что, да и хотелось со временем вырваться куда-нибудь, где жизнь хоть немного цветистее. Так что я изо всех сил налегал на учёбу

в Куртуазной Академии и неплохо справлялся. Оказалось, не зря. В начале последнего курса я выиграл стажировку в орден першандельеров. Поначалу в мои задачи входило всего лишь охранять паломников. Тракт, соединяющий святые места, был тогда уже относительно безопасен от неверных, поэтому для меня это было чем-то вроде каникул. Днём я таскался по тракту с пилигримами со всего мира, слушал их истории – даром что у самого к языкам нет способности, – а по вечерам столовался в портовых кафешках. Стипендиатов Академии почти везде кормили бесплатно. И как кормили! Кальмары во фритюре, острые лепёшки с сыром и томатами, суп из тунца! И домашнее вино, которое дображивало прямо в желудке. За месяц стажировки я практически удвоил свой тогдашний вес. И это было, кстати, потому что в скорости я влюбился и, как водится, почти перестал есть. Девушку звали Кальеда. Она работала в прокате автомобилей и лодок. Свои дневные хлопоты мы заканчивали примерно в одно время, и вечера были в нашем распоряжении. Вне работы ей разрешалось одалживать у своей фирмы яхту, чем мы и пользовались. Прихватывали с собой бутылку красного вина и несколько ломтиков хрустящего хлеба, болтали до рассвета под плеск воды о борта лодки. Звёзды над мачтой, бриз в её чёрных волосах, податливая шнуровка на платье и смуглые лопатки – я чудом тогда не женился. Вернее, это было никакое не чудо. Совсем наоборот. По всему архипелагу тогда ставили радиовышки. По мне, так на Першанделе с его лагунами и виноградниками эти новшества были даром не нужны. Но правительство считало иначе. И это обернулось катастрофой. Да, газеты обвинили секту колдунов, поклонявшихся дракону, который жил на соседнем острове. Дескать, это они его спровоцировали. Но дело было в чёртовых вышках. Доказано, что многие драконы – телепаты. Этот был как раз такой. От радиосигналов у него что-то сбилось в его сверхчувствительном восприятии. Наверно, электромагнитные колебания перемешались в его голове с телепатическими волнами. К счастью, дракон не был огнедышащим – иначе разрушений и жертв было бы просто не счесть. Но и без того крови пролилось больше, чем в тот день, когда крестоносцы высадились на побережье. По радио передавали концерт для виолончели с оркестром в трёх частях в исполнении Королевского симфонического. Когда в приёмниках заиграла вторая часть, обезумевший дракон ворвался в жилые кварталы. Люди гибли, в основном, под обломками зданий, хотя были и такие, кого дракон растерзал. Новости о бедствии застали меня за городом – я, как обычно, сопровождал очередную группу паломников, пока нас не нагнали машины с первыми беженцами. Узнав о случившемся, кое-как я пробился в город, который все старались покинуть. Первым делом наведаясь в офис фирмы, где работала Кальеда, но от здания остались только дымящиеся руины. Я нашёл её в госпитале –

в подземной парковке госпиталя, куда перенесли всех пострадавших. Кальеда была там, она выжила, но... ей разможило ногу, и всё, что ниже колена, врачам пришлось отнять. Подумать только. Ещё ночью накануне я целовал ей обе ступни, а теперь одна из них просто отсутствовала. Я хотел забрать её и увезти в безопасное место, но мне сказали, что в таком состоянии она не переживёт поездку. Значит, единственное, чем я мог помочь своей любимой, – это обезопасить то место, где она находилась. Соображал я всегда не очень хорошо, а в тот момент – особенно. Зарёванный, грязный, я поднялся на поверхность и принялся бродить по разорённым улицам. Позже-то я узнал, что першандельеры к тому моменту разработали разумный план: они довольно быстро связали поведение дракона с появлением на острове радиомачты, и в горы уже выслали особый отряд, чтобы её обесточить. Но ни о чём таком я не подозревал. В голове у меня, должно быть, творился такой же хаос, какой мучил взбесившегося ящера. Я выбрался на площадь, где мне не грозило обрушение соседних зданий, и просто стал звать его. И вслух, и про себя. Я, конечно, не мог знать, телепат он или нет, но другого плана у меня всё равно не было. Я кричал и думал примерно следующее: «Тебе нужен я, тебе нужен я! Какую бы цель ты ни преследовал, я – решение твой проблемы». И он явился, услышал меня. Настоящий исполин, высотой с трёхэтажный дом.

– Постойте! – Хага стискивает мне плечо. – Вы хотите сказать, что вы просто стояли там, без доспехов и другого укрытия, имея при себе только меч? Я никогда не понимала этого: прогресс подарил нам мощное огнестрельное оружие, а вы, рыцари, по-прежнему выходите на свои подвиги, подпоясавшись обоюдоострым куском стали! Какая дичайшая верность традициям перед лицом совершенно несоразмерной угрозы. Я бы просто завалила этого дракона из танка.

– Ну, танка на острове, видимо, не нашлось, – я снисходительно улыбаюсь своей проводнице. – Но кто-то вроде вас попытался продырявить ему шкуру из пулемёта. Не знаю, чем эта попытка закончилась для стрелка. Но обычно это не лучшая тактика, если хочешь сохранить себе жизнь.

– А лезть на дракона с мечом наголо – это, по-вашему, хорошая тактика?

– Есть некоторое количество эмпирических данных в отношении крови драконов. Не только их, а вообще всех малефиков, то есть, супернатуральных созданий. Так вот, воздействие супернатуральной крови наделяет тебя особыми свойствами. Похоже на эту вашу трансмутацию. Короче, рыцари, на которых попала кровь дракона, становились практически неуязвимы. На время. Как будто им переходила часть драконьей силы и ловкости, а ткани организма

обретали ту же твёрдость, что дана драконам. Поэтому если случается остаться один на один, рыцарь всегда стремится к максимально близкому контакту с драконом. Выстрелишь из пулемёта – возможно, ранишь ящера, но, скорее всего, только разозлишь его и поплатишься жизнью. А если подберёшься поближе ипустишь ему кровь, то сам станешь как дракон. Тогда на Першанделе безвестный пулемётчик облегчил мне задачу. Рана в боку дракона кровоточила. Первое, что я сделал, – это с разбегу макнулся в лужу дымящейся крови на мостовой. Даже немного проглотил для верности.

За этим последовал удар, который, вероятно, мог бы сломать мне позвоночник, но эффект от купания уже сказался – я отлетел на полтора десятка футов и приземлился на ноги. Рефлексы обострились. Мышцы стали упругими как тисовая древесина. Я наносил дракону новые раны и как бы впитывал всё больше его силы. В конце концов, я взбежал по отвесной стене, оттолкнулся от неё и полоснул его по горлу. Так я и стал «Спасителем Першанделя», «Першандельским драконоборцем» и «Молнией Архипелага», как меня окрестили в прессе.

– А как же Кальеда? – Хага продолжает сжимать мне плечо, словно пытаясь нащупать в нём остатки стальной твердости, что передалась мне в тот день от дракона. – Вы всё-таки расстались?

– Не сразу... Я хотел быть рядом, но она сама постепенно отгородилась от меня. Ей казалось, что она уже не та, кого я полюбил. В общем, начались проблемы с психикой, да вдобавок ей кололи сильнейшие обезболивающие. От её прежнего лёгкого нрава не осталось и следа. Расставались мы тяжело – думаю, она испытала облегчение, когда моя стажировка закончилась и пришло время уезжать. Как бы то ни было, теперь она замужем и, насколько я знаю, вполне счастлива. Мы до сих пор с ней переписываемся, но уже просто как друзья. В последнем письме она даже хвасталась новым протезом.

– Понятно... – моя спутница, не выпуская моей руки, словно отдаляется куда-то вслед за своими мыслями. Будто лодку относит течением на длину вытравленной якорной цепи. Судя по её серьёзному и растерянному виду, мне удалось растрогать её и уж точно сбить хоть немного её фирменного высокомерия, которым она словно spryskivает себя перед тем, как выйти поутру из дома. Какое-то время идём молча. Сумрачное небо над нами замерло в неизбывной задумчивости о том, чего земле не хватает больше – дождя или солнца.

Само собой, я рассказал не всё. Умолчал о том, как, рассекая дракону горло, едва не перерезал ту нить, которая связывала перепуганного стажёра Академии со спятившей от адреналина «Молнией Архипелага». Это напоминало удары тока, где роль оголённого провода играл мой клинок. Каждый раз, когда меч пробивал шкуру дракона, меня

скручивало и ослепляло, а когда отпускало, то меня становилось меньше. Не в физическом смысле, конечно. Ощущение тела вообще утратилось – мне даже казалось, что я нисколько не уступаю в размерах дракону. Но осознание цели, мотивов боя, воспоминания о Кальеде – всё это последовательно отключалось, как будто соответствующие участки мозга выходили из строя один за другим. Оставалось только ощущение высвобожденной стихии без имени и подобия, для которой я был всего лишь проводником. К исходу поединка мне казалось, что наш бой длится вечно, а вся моя предыдущая жизнь – не более чем угасающее фантомное воспоминание. И всё же, когда я нанёс дракону решающий удар, когда пенная густая кровь ударила мне в глаза, в рот, в уши – вот тогда нить, и без того истончившаяся, едва не лопнула совсем. На мгновение я уступил место дракону. Меня не осталось как такового. Мгновение было тягучим, как застывающий янтарь, и вместило в себя его, драконово, родство с небом, настолько возвышенным надо всем и отрешённым, что все эти человеческие распри, великие перемещения народов и даже самая смена так называемых эпох вдруг стали для меня не более значительными, чем копошение муравьев под ногами. Я смотрел на мир глазами дракона, и не чувствовал ни ярости, ни презрения, а только спокойствие, равнодушие, растворённость в бесконечности – всё то, что сгнуло, оборвалось каких-то несколько часов назад, когда небо наполнили звуки виолончели с оркестром.

Я не стал рассказывать Хаге про то, как моё тело восстанавливалось после той дуэли. На рыцарском жаргоне то, что я пережил, называется «драконьим кайфом», поэтому процесс моей реабилитации вполне уместно было бы назвать «ломкой».

Что ж, задачи стажировки я выполнил с лихвой. Естественно, першандельеры предлагали мне место в их ордене после окончания Академии. Тогда я не сказал им ни да, ни нет. Вернувшись домой, первое время не знал, что с собой делать. Чуть не завалил выпускные экзамены. Думал, что буду дико скучать по времени, проведённому с Кальедой, по морю, кальмарам во фритюре... но нет. Даже безысходность заводских гудков в зимних сумерках родного города больше меня не беспокоила. Было вообще всё равно. Потом на выпускном вечере ко мне подошёл магистр, сказал, что почтёт за честь выпить с «Молнией Архипелага». Пока одноклассники танцевали с девчонками, старик рассказал мне, как в своё время тоже извёдал на своей шкуре «драконий кайф» – его накрыло прямо в пасти чудовища, когда зубы дракона уже рвали его плоть. Магистр заверил меня, что рыцарское братство – лучшая среда для того, чтобы оправиться от подобных травм. Братство так братство, решил я. На Першандель я не вернулся, потому что тамошняя репутация накладывала на меня слишком много обязательств.

Воспользовался приглашением магистра – поступил в Орден Мангуста и перебрался в столицу. Вот только... ничего путного из этого так и не вышло. Может быть, моё появление в Лаврелионе – это, действительно, неожиданный шанс придать моей жизни хоть какой-то смысл?

Юрий СОКОЛОВ

По пути к хоулу

Глава из романа «Врата ада»

Колонна четвёртого инженерно-строительного батальона растянулась по улице Грушевского от поворота на Московскую улицу, куда загибался её хвост, до Дома офицеров. То есть до того, что от него осталось. Теперь на руинах здания два пожирателя закусывали зазевавшимся омегой. Они так увлеклись этим занятием, что не обращали никого внимания на суету и гул двигателей по соседству. Камеры круживших в небе беспилотников передавали нам картину пиршества во всех подробностях.

– Вот погань, – услышали мы по связи голос комбата. – Эй, Лисовски! А ну-ка снимите их обоих.

Точно почувяв, что трапезу сейчас прервут, один из пожирателей оторвался от добычи, повернул окровавленную морду в сторону колонны, и пуля прилетела прямо в неё. Мутант вскинулся вверх, взмахнул похожими на лапы руками и шмякнулся на обглоданный труп омеги. Второй пожиратель вскочил, угрожающе наклонился вперёд, оскалится, схлопотал свою пулю и упал на первого.

Наши вездеходы меж тем успели занять своё место в самом начале длинной железной колбасы.

– Тронулись, что ли, – сказал комбат.

«Колбаса» с лязгом пришла в движение, начиная с головы.

– Надо было нас по колонне через равные промежутки раскидать, – буркнул Грицай.

– Тебя забыли спросить, – тут же отозвался Артём.

– А вот и забыли! Не тебя же спрашивать?..

– Общий канал не забывайте, – сказал им Гридин. – Своего уже мало?

Колонна не спеша двигалась в сторону Верховной Рады. Впереди шёл тяжёлый армейский путепокладчик, оснащённый бульдозерным и крановым оборудованием, способный расчищать дороги в самых гиблых завалах со средней скоростью десять километров в час. Пока ему работы было немного: он разве что убрал пару упавших на проезжую часть деревьев Мариинского парка и засыпал попавшим в отвал мусором несколько мелких воронок.

Я рассматривал те деревья, что устояли. Они потеряли все листья, почернели и вздулись уродливыми шишками от оснований стволов до кончиков веток, но, похоже, хорошо себя чувствовали. Согласно базам данных, некоторые вымахали вдвое, а то и втрое против своего первоначального роста.

– Где-то я такое уже видел, – сказал я.

– Не-ет, Серёж, – возразила Даша. – Где мы такое могли видеть?

– Я не говорю – такое же точно. Похожее.

Что-то ещё было не так с этим парком – мне пришлось запросить вид с беспилотника сверху и сбоку, чтобы понять. Ну да – штыревидные грибы. Гигантские. Они возвышались над кронами деревьев, словно телеграфные столбы над полынью.

– Не туда нас на зачистку послали, – посетовал Грицай, когда позади остались и Рада с Мариинским дворцом, и здание Кабинета министров. – Вот где бы я с удовольствием пострелял, так это у Рады. Там, поди, до сих пор бегают наши мутировавшие депутаты и их прямые потомки.

– Мы слышим голос лояльного гражданина собственной страны, – провозгласил Артём.

– Ой, а ваши думки – они лучше, что ли?

– Да как тебе сказать. У нас многие с удовольствием зачистили бы всю Москву целиком, не дожидаясь появления там хоула и начала мутаций.

– Это точно, – счёл нужным подтвердить обычно скупой на слова Иванов.

– Что касается меня, то я с удовольствием поучаствовал бы в зачистке Вашингтона, – поделился Райли, тем самым показывая, что у него тоже есть человеческие чувства.

– Короче, все мы очень любим наши правительства, – заключил Грицай. – Особенно я. Дезертировать, что ли, от вас в сторону Рады?

– Депутатов и кабмин успели эвакуировать, – сообщил кто-то из системных операторов, дружески напоминая нам, что разговоры на всех каналах прослушиваются и надо следить за базаром.

– Ну вот, как всегда, – вздохнул Грицай, проигнорировав этот призыв к здравомыслию. – Кого стоило ещё в детстве убить – того успели.

Анонимный оператор оставил его выпад без ответа.

– А сколько вообще людей вывезли? – спросил Пашич, вроде бы ни к кому не обращаясь. – Кто-нибудь знает?

Оператор вновь скромно промолчал.

– Сразу – четыреста тысяч, – уверенно сказала Крошка. Очевидно, она была в курсе. – Ещё столько же спаслось самостоятельно – до того, как город окружили кордонами. И сразу после, опрокидывая эти кордоны. Здесь тогда только украинская армия проблемы решала. Она к такому оказалась не подготовлена – да и никто не был подготовлен к

тому, что произошло. В результате половина состава участвовавших в операции подразделений пополнила ряды мутантов.

– Весело, – протянул Пашич.

– Потом эвакуировали ещё двести тысяч гражданских, – продолжала Крошка. – И около ста тысяч продолжает сидеть по анклавам. Сколько из них дотянет до эвакуации – неизвестно.

– То есть спасён, спасся сам или будет спасён только каждый третий житель.

– Да. И это при том, что группировка ОСП вокруг Киева и в нём самом уже неделю назад насчитывала полмиллиона.

– Пожалуй, для Объединённых сил это предел. Вряд ли «Противодействию» удастся стянуть на Украину больше, не оголяя других проблемных зон.

– Может, и выхода другого не будет. Периферия местной «проблемки» уже расползлась почти на всю Киевскую область, половину районов Черниговской и Житомирской областей и приличный кусок Беларуси. Конечно, на окраинах лишь отдельные мутанты замечены, но если они проникнут в Европу и Россию, это будет конец. Бороться с ними станет невозможно.

Путепрокладчик впереди умело и деловито распахивал к обочинам брошенные машины. На подходе к Европейской площади по связи сыграли тревогу.

– Внимание! – услышали мы. – Говорит координатор ОСП в черте города. Наблюдается массовая миграция крысаков на территории Шевченковского района. Основной поток мутантов движется по Трёхсвятительской улице в сторону Европейской площади. Особое внимание четвёртому инженерно-строительному батальону и сопровождающим его группам! Вы как раз в нужном месте. Нельзя допустить, чтобы крысаки прорвались через площадь на Грушевского в сторону «Арсенала» или свернули на Крещатик и пошли к Бессарабскому рынку. И там, и там наши базы и госпитали. И там, и там дальше анклавы с гражданскими. Патронов не жалеть – транспорт с боеприпасами отправят к вам немедленно. Сверху вас поддержат беспилотники – сколько успеем стянуть.

– А я вот думаю, что мы как раз *не* в нужном месте, – пробормотал Пашич. – Разве дело скаутов – миграции останавливать? Как это у нас получается постоянно вляпываться в какое-нибудь дерьмо?

– Где ты в последнее время видел людей, которые занимаются только своим делом и никуда не вляпываются? – поинтересовался Артём. – Вспомнишь – скажи. Я моментом уйду к ним.

Путепрокладчик впереди агрессивно заворочал пулеметом, перевёл отвал в двустороннее положение и с неожиданной для такой машины

резвостью свернул в сторону Крещатика, расшвыривая в стороны попадавшиеся на пути легковушки. Наши вездеходы двинули прямо. Колонна позади тоже ускорила: машины разграждения, бронетранспортёры, и остальное, что там ехало, рассредотачивалось по площади, занимая позиции для стрельбы.

– На Европейской строимся в три эшелона! – командовал комбат. – Вторая рота – полностью на Крещатик! Замыкающие остаются на Грушевского!

– Владимирский спуск тоже заткни чем-нибудь на всякий случай, – посоветовал ему Гридин.

– Заткнешь тут всё...

– Внимание, системщики! – снова подал голос координатор. – Если у вас сейчас опять сбой будет – без разницы с чем и почему...

Он не договорил. Но и так было понятно, что в случае сбоя ничего хорошего системных операторов не ждёт.

Не знаю, о чём думали другие, а у меня перед глазами, пока мы готовились, навязчиво всплывала одна и та же картина: крысы-мутанты, каждая из которых с матёрого бульдога, врываются в окружённые баррикадами кварталы. Половина защитников анклавов – женщины и подростки. От них даже трупов не останется. Периметры «Арсенала» и Бессарабки тоже вряд ли устоят против нашествия. На базах ОСП обстановка лучше только тем, что там много хорошо вооружённых и подготовленных людей.

Наши вездеходы и три машины огневой поддержки перекрыли выезд с Трёхсвятительской. Соседи по эшелону у нас оказались что надо – «Терминаторы» последней модификации, вооружённые спаренными тридцатимиллиметровыми пушками, гранатомётами и управляемыми ракетами. Над площадью завис большой квадрокоптер связи: системщики по достоинству оценили персональное предупреждение координатора и решили перестраховаться. По Трёхсвятительской во всю её ширину катилась визжащая серая волна. Только в пределах прямой видимости крысаков там были тысячи, а может, десятки тысяч. Впереди в панике мчались баскеры, крюгеры, гутангеры, пожиратели – живая волна догоняла их одного за другим и легко топила под собой.

– Первый эшелон – огонь! – скомандовал комбат.

Крупнокалиберные пулемёты «Первопроходцев» и скорострельные пушки «Терминаторов» ударили одновременно. На фоне их свирепого рёва наша стрельба из автоматов сквозь бойницы показалась жалкой и ненужной. Но только на первый взгляд – против несущейся на нас хищной массы ни одна выпущенная пуля не была лишней. В горле Трёхсвятительской кипел кровавый фейерверк из разлетающихся на куски и брызги тел, а сквозь него и огневой шквал рвались на площадь

уцелевшие твари. Некоторые уже огибали наши машины, другие прыгали через них, и вскоре стало казаться, что вездеходы и «Терминаторы» плывут против течения в бурном сером потоке. Сзади открыл огонь второй эшелон, за ним – третий. И это было кстати, потому что у нашего первого вышел весь боезапас. Только «Терминаторы» ещё скупно огрызались последними выстрелами из гранатомётов, да запускали ракеты куда-то дальше по улице. Вовсю палили с Крещатика и Владимирского спуска. Сверху тоже стреляли, – но как-то жидко и неохотно. Но вот наконец на помощь ко всякой летающей мелочи подоспели большие ударные беспилотники, и Трёхсвятительская вздыбилась взрывами по всей длине.

– Го-о-отово! – довольно протянул комбат. – Не прошли, суки!

– Что – никого не пропустили? – недоверчиво спросил Гридин.

– Куда там – никого! Только мимо нас по Грушевского несколько сотен проскочило. Может – тысяч. Кто их считал. Но главное-то сделано.

– У нас – такая же фигня, – сообщили с Крещатика.

– А мимо нас действительно никто не прошёл, – похвалились с Владимирского, но тут же смущённо поправились: – Правда, они в нашу сторону и не сворачивали. Пёрли в основном на Грушевского и в Крещатый парк.

– Отлично, отлично сработали, – похвалил всех оптом координатор. – С такими строителями и боевых частей не надо. Всё, спасибо, а теперь стойте и ждёте, пока боеприпасы подвезут.

– Сразу по прибытии транспорта к выполнению основной задачи не приступать, – раздался голос Смита. – С места не двигаться. Крошка, с тобой ксенобиологи хотят поговорить. Особенно Квашнин.

На общем канале начались оживлённые переговоры на английском, испанском и немецком, а потом кто-то спросил по-русски:

– Крошка, ты ведь там?

– Ну да, и как вы догадались? – улыбнулась она. – Здравствуйте, Михаил Ильич.

– Здравствуй, милая! Будь добра, пройдишь по местности. Хотя бы коротко, поверхностно. Нас сильно интересует эта миграция. Такой большой ещё не было.

– Задним числом что-то прощупать очень и очень трудно. Но я попробую. Что конкретно вы хотите выяснить?

– Всё, – скромно признался учёный. – Мы внимательнейшим образом выслушаем всё, что ты нам скажешь.

Вскоре подвезли боеприпасы. Спецназ встал в оцепление. Строители слажено взялись за разгрузку, растаскивали ящики по машинам, сбрасывали дохлых крысаков с брони, добивали раненых. Мы вылезли из вездехода – снаружи жутко и тяжело пахло бойней. Крошка

медленно, будто во сне, побрела по площади, часто останавливаясь; сделала круг, другой и направилась на Трёхсвятительскую. Она шла чуть пошатываясь, почти закрыв глаза. Мы с Дашей неотступно следовали за ней, держась по обеим сторонам. Гридин прикрывал наш тыл; Даго и Пашич шли впереди метрах в десяти друг от друга; Артём и Зунг следовали таким же порядком сзади.

Там и сям на асфальте копошились и порывались встать издыхающие, но всё ещё опасные твари. Мы обходили их, не желая стрелять у Крошки над ухом. Даша то и дело осторожно подталкивала её то в одну, то в другую сторону, внимательно следя, чтобы девушка не поставила ногу прямо в чью-нибудь оскаленную пасть. Я мимоходом разглядывал более-менее целые трупы – от двадцати до сорока килограммов сплошных мускулов. Голая серая кожа. Зубы больше всего напоминали акульки.

Машины на стоянке перед Украинским домом изувечило обстрелом до неузнаваемости – несколько перевернуло на крышу и снесло в сторону. Трёхсвятительская была сплошь залита кровью и завалена наспигованным пулями и осколками мясом. Крошка шла по этому месиву, не обращая ни на что внимания, спотыкаясь и оскальзываясь. Даша ухватила её за шиворот и вела словно на поводке, оттаскивая от оставшихся после бомбёжки воронок.

Мы брели зигзагом от одного края улицы к другому, как не в меру поддавшая компания. Со всех сторон доносился голодный вой мутантов, почуявших запах изобильной еды и стягивавшихся теперь со всей округи к Европейской площади. Кое-где на растерзанные тела уже опускались первые птицеры. Ребята поглядывали на нас – не пора ли заканчивать с прогулками? Оно понятно, целым батальоном и с только что обновлённым боекомплектом мы от кого хочешь отобьёмся – да стоят ли интересы научных трудов? Словно почувствовав наше беспокойство, а может, и почувствовав, Крошка остановилась, широко распахнула глаза, несколько раз глубоко вздохнула и огляделась вокруг, будто не понимая, с какого перепуга оказалась в столь неприятном месте. Передёрнулась от отвращения. Грустно посмотрела на свои измазанные кровью ботинки, потом на Дашу, потом на меня.

– Об-божаю общественно-полезные нагрузки, – сказала она. – Особенно такие. Квашнин будет у меня в большом долгу за это. И Смит тоже.

– Мы все тому свидетели, – подтвердил я. – Предъяви им счет посерьёзнее.

Выглядела девушка до предела утомлённой, как если бы её заставили прошагать километров пятьдесят. Мы повернули и пошли обратно. Крошка на ходу неспешно и обстоятельно излагала Квашнину своё мнение о крысаках, миграциях, а также ксенобиологах.

Квашнин задавал уточняющие вопросы по первым двум темам, а под конец спросил, нельзя ли сделать ещё один заход.

– Не-е-ет! – взвывла Крошка, на секунду потеряв самоконтроль. – Я больше туда не пойду!..

– Она устала, – твёрдо сказал Гридин учёному. – И вообще-то она с нами работает, а не с вами.

Мы забрались в вездеход, расселись по местам, и дожидавшаяся только нас колонна тронулась по Крещатику. Даго прибавил освещения, достал Библию и уткнулся в неё. Зунг перекачивал в руке шарики. Крошка устало привалилась к Даше. Та ласково обняла её за плечи.

– Если хочешь, забери у меня кусочек энергии, – сказала она.

– Неужели ты веришь в такие глупости? – удивилась Крошка.

– Не верю. Но с удовольствием бы тебе помогла.

– Подпитка извне для нас невозможна. Мы пользуется только своей энергией, а не чужой. Но всё равно спасибо. И да, ты уже помогаешь.

Сразу за Майданом Незалежности по правой стороне Крещатика началась зона сплошных руин – чуть дальше всё разрушил рождающийся хоул, а его окрестности разбомбили ВВС ОСП, тщетно пытаясь подавить главный очаг мутагенеза.

– Здесь все погибли, – пробормотала постепенно приходящая в себя Крошка. – Тысячи людей. Которые были ещё людьми, а не пожирателями.

– Насколько понимаю, их не получилось бы спасти, – сказал Зунг.

– Скорее всего. Только дело в том, что их никто и не собирался спасать. Боссам «Противодействия» плевать на всех, кроме себя. Они просто хотели решить проблему одним махом. А генералы «оспы» озабочены лишь тем, чтобы выполнять свои задачи и оставаться в милости у хозяев.

Мы молча переглянулись. Обзывать ОСП «оспой» среди сотрудников и военнослужащих Объединённых сил считалось моветоном, хотя нас давно называли так все остальные. И, что хуже всего, они имели для этого основания. Однако...

Да, решая проблемы человечества, связанные с интеграцией миров, ОСП сплошь и рядом создавали тому же человечеству ещё больше проблем, зачастую на пустом месте. Да, международная координационная группа «Противодействие» в первую очередь заботилась о сохранении власти и влияния старой мировой элиты, из которой сама и состояла. И всё же, несмотря на моё личное глубокое отвращение к этой шайке мировых кровососов, я не мог не признать, что с «Противодействием» цивилизации лучше, чем могло быть без него. Собственно, без него уже и не было бы никакой цивилизации.

Остальные тоже сознавали это. И внутри ОСП, и вне. Люди работали на «Противодействие», отказывались работать, ненавидели его, боролись с ним, – но понимали, что провались завтра эта контора в тартарары,

придётся создать другую такую же. На том и держались Объединённые силы.

Может, отдельные страны и устояли бы сами по себе. Но существовали бы в виде анклавов в океане хаоса и разрухи, как сейчас существуют анклавы с гражданскими в Киеве. Однако из них людей худо-бедно эвакуируют, – а куда эвакуируется целая страна? Кто и где нас ждал в связанных мирах?..

Но никто не захотел сделать Крошке замечание за грубое нарушение одного из неписаных правил корпоративной этики. Видно, на шестой год службы мы стали уставать. От того, что видели. От того, что слышали. От мыслей о том, что нам ещё предстоит увидеть и услышать, – а мы точно знали, что придётся.

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Замкнутый круг

Россия. 1827 год

Кладбище – зрелище унылое. Холмики, кресты, берёзка то ли скорбит, то ли просто растёт... длинные тонкие ветви свешивает, тянется к земле, склоняется над свежей могилкой, шумит резными листочками. Слабый ветерок перебирает зелёные пряди, ласкает берёзовую грусть, играет чёрной шёлковой лентой, скорбным дополнением к дорожному модному цилиндру. Кроме совсем белых седых волос весь облик немолодого сухощавого мужчины был чёрен и мрачен. И одежда, и выражение лица его соответствовали горестному месту. Лицо его с крупными тяжёлыми чертами покрыли морщины пожилого возраста и глубокой скорби.

– Жена? – услышал он за спиной неожиданно мелодичный женский голос.

– Жена. Марьюшка, – вздохнул старик.

– Совсем молодая, – грустно произнесла незнакомка.

Вдовец взглянул на неё с интересом. Говорившая была гораздо моложе его сорокалетней жены, но верно уловила отношение старика к своей супруге. Такая мудрость казалась неожиданной в тоненькой хрупкой фигурке под кокетливой шляпкой.

– Простуда. Лихорадка. За неделю сгорела, – доверительно пожаловался вдовец.

– Горе, – проникновенно прошептала незнакомка.

– Совсем один я остался

– В такой скорби нельзя одному, – грустно поддержала женщина.

– О, – горестно покачал головой вдовец, – один, совсем один остался я на белом свете.

– Неужели некому поддержать вас в трудную минуту? Неужели нет рядом родной души? – поразилась незнакомка.

Её возмущение и грусть прозвучали настолько искренно, что старик невольно взглянул на молодую женщину внимательнее. Налетевший ветерок приподнял чёрную вуаль, призванную скорее создавать флёр таинственности, чем подчёркивать тоску, показал полные чувственные губы, розовые щёчки, как персики налитые юной свежестью, очаровательно чуть вздёрнутый тонкий носик и большие светлые глаза, окружённые густыми ресницами. Мужчина даже успел заметить тёмную вьющуюся прядь, выбившуюся из причёски, возле маленького аккуратного ушка. На всё ему хватило одного быстрого взгляда, успевшего отметить и высокую грудь, и гибкую талию.

– О, я несчастный человек! – принялся жаловаться он. – Я так одинок. Взрослые сыновья служат далеко от дома. У них своя жизнь. Мы с женой приехали в столицу ненадолго, только по делам. Но проклятый петербургский климат сгубил её.

Незнакомка сочувственно вздохнула, но в её тихом вздохе вдовцу послышалось заманчивое жеманство.

– Простите мою невежливость, – продолжил он, – я не представился – Головин. Аполлон Фёдорович Головин. Помещик. Вдовец. Человек бесконечно одинокий и, видно, не нужный больше никому вместе со всем своим богатством.

– Настасья Михайловна Щукина, – кокетливо присела в лёгком книксене женщина.

Она даже не стала объяснять своё появление в таком не подходящем для знакомства месте, поправила свою чёрную изящную шляпку, невинным жестом отряхнула строгую, но модную юбку, скромно простилась и ушла, словно растаяв среди надгробий.

Более они не встречались, но несмотря на всю свою солидность и серьёзность, Аполлон Фёдорович вскоре стал замечать, что к грустным мыслям о кончине супруги, всё чаще стала прибавляться светлая грусть от того, что он не знает, где ему искать Настасью Михайловну. Воспоминания об их нежданной встрече стали посещать вдовца всё чаще. И Аполлон Фёдорович и сам не заметил, как грусть по ушедшей супруге стало вытеснять раздражение от невозможности что-либо предпринять для поисков дамы под вуалью.

Дни шли за днями. Мысль о загадочной особе становилась всё назойливей и неотступней. Вскоре Аполлон Фёдорович поймал себя на том, что не может, как прежде, спокойно сидеть в своей карете и дремать, пока не прибудет туда, куда направлялся, а не отрывает взгляда от пыльного каретного оконца, постоянно высматривая на шумных петербургских улицах знакомый силуэт. Он напоминал себе,

что не сможет разглядеть Настасью Михайловну в её карете, но смотрел и смотрел, боясь отвести глаза. Ещё с молодости он всегда был домоседом и не любил лишний раз окунуться в столичную суету, теперь же город на берегах Невы начал ему нравиться. Он любовался его проспектами и набережными, рад был каждому поводу отправиться куда-нибудь. А порой и сам выдумывал эти поводы.

Как-то поехал он на званый ужин к графине Волконской. Несмотря на недавнее бегство в Сибирь дочери вслед за своим ссыльным мужем, графиня всем пыталась доказать, что в её жизни ничего не изменилось, и продолжала сохранять хорошую мину при плохой игре. По дороге к ней, медленно продвигаясь по запруженному Невскому, Головин разглядывал пеструю толпу и вдруг возле Александровского сада заметил знакомую чёрную шляпку.

Щукина шла пешком, одетая в невзрачное серое платье, грустно опустив голову.

– Настасья Михайловна! – радостно завопил Головин и едва не ринулся из кареты раньше, чем та остановилась.

Щукина подождала, заинтересовано подняла глаза.

– Как же я рад вас встретить! – восторженно выпалил Аполлон Фёдорович, стремительным жестом сорвав с головы цилиндр.

– Я тоже рада нашей встрече, – мило улыбнулась она.

– Что вы? Как? – суетился он.

– Всё хорошо.

– А я, знаете ли, чужой в этом городе. Так, наношу официальные визиты.

– Вас ждут? Вы спешите?

– Нет, нет. Приём – скука. Все гости чопорные, пустые... я лучше прогуляюсь. С вами пройду. Идёмте в парк.

– Что ж идёмте, – мягко согласилась она.

Молодая женщина равнодушно повела плечиком, но по её губам скользнула победная улыбка. Головин предложил ей руку, она легко оперлась на неё и пошла рядом. Вдовец был весел и разговорчив, как влюблённый студент. Тенистые аллеи вдохновляли его на массу весёлых рассказов и воспоминаний, она мелодично приятно смеялась его шуткам, остроумно отвечала. И произвела на собеседника неизгладимое впечатление. Он был в полном восторге от того, что Настасья Михайловна милостиво согласилась встретиться с ним здесь же на следующей неделе. Правда, о себе она совсем ничего не рассказывала и наотрез отказалась, чтобы её подвезли до дома, но таинственность только добавляла ей прелести.

Встречи в парке становились всё чаще. И вскоре стали ежедневными. Его новая знакомая всё больше казалась Головину образцом совершенства. Он совсем не замечал, что она всегда приходит в одном и том же

небогатом платье, а перчатками скрывает огрубевшие, не холёные руки. Её частые опоздания он находил очаровательным кокетством. Так незаметно текли летние дни, катилось по небу солнце. Шумел густой листвой зелёный парк. Щебетали на ветвях беспокойные птицы. День ото дня влюблённые жили только встречами, блеском любимых глаз и нежностью улыбок... а сентябрь осыпал леса золотом, наполнил тёплый ветерок осенней грустью. Закружило узорные листья прощальное бабье лето. Как-то Головин пришёл небывало серьёзным и решительным. Щукина вопреки обыкновению явилась вовремя, и всё равно он был первым и уже ожидал женщину на их обычной скамеечке. Едва увидев Настасью Михайловну, он вскочил на ноги и, поприветствовав её, произнёс торжественно и как-то трагично.

– Осень.

– И что ж с того? – не понимая, пожала плечами она.

– Я... мы... я... – начал он, волнуясь, – не сочтите мои слова за бестолковую поспешность. Я всё обдумал. – Головин не знал, куда деть руки, внезапно схватил её запястья своими похолодевшими пальцами. – Я всю ночь не спал... я решился... я оставил всякие сомнения, я умру если вы покинете... будьте моей женой, Настасья Михайловна.

Она улыбалась, глядя на нерешительность и смущение седовласого мужчины, потом погрузилась, произнесла тихо:

– Прежде чем дать ответ, я должна поведать вам о том, что может изменить ваше намеренье.

Она мягко остановила его протестующий жест и продолжала:

– Вы должны знать, что я вам не пара. Я не дворянка. Я бедна. Мой отец владел доходными домами и даже книжной лавкой... но проиграл сперва лавку, потом и все дома. А когда проиграл последнее и понял, что оставил нас с матерью без средств к существованию, отец схватился за сердце и... умер, – Настасья Михайловна всхлипнула, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Головин обнял её, принялся успокаивать, гладить по голове.

– Плохая я невеста, – сквозь слёзы продолжала женщина, – из приданого только долги да воспоминания о прежней благополучной жизни. Только и осталось, пара платьев да чёрная шляпка.

– Милая моя, – вытирал её слёзы Аполлон Фёдорович, – что ж ты раньше мне всего не рассказала?

– Я боялась, – зашлась в рыданиях она, – я боялась, что вы меня бросите...

– Боже мой, Боже... – воскликнул он, – я достаточно богат... мы поженимся... всё будет хорошо.

– А как же общество? Они осудят неравный брак...

– В высшем обществе сейчас такое творится, вон одна Волконская чего стоит. Все эти тайные кружки, заговоры, покушения... на нас никто и внимания не обратит. Мы уедем в деревню...

– Не хочу в деревню, – капризно вздохнула Щукина, – я люблю Санкт-Петербург.

– Хорошо, хорошо, – сразу уступил Головин, – останемся в городе. Главное – скажите, согласны ли вы быть моей женой?

– Да, – вздохнула она.

Свадьбу назначили уже через месяц, и злые языки говорили, что молодая невеста торопится заполучить богатства старика, пока он ещё жив.

Но на самом деле седовласый Аполлон Фёдорович был ещё крепок здоровьем, а оба молодожёна выглядели столь счастливыми, что злые языки мигом смолкли.

Те, кто набился в маленькую аккуратную церквушку поглазеть и посплетничать об уродстве неравного брака, были разочарованы и шокированы широкой ясной улыбкой молодой свежей невесты. Её сияющее лицо, розовые щёчки и лёгкое смущение, как нельзя лучше гармонировали с белоснежными кружевами и лёгким атласом её платья. Тщательно уложенные кудри так красиво оттеняла почти прозрачная дымка фаты, нежные цветы украшали затканый жемчугами корсаж – всё было прекрасно и органично, только... совсем иначе представляли себе гости молодую женщину, отдающую свою руку седовласому старцу. Каждый присутствующий ожидал увидеть заплаканное бледное лицо, припухшие от слёз глаза, искусанные в отчаянье губы. Однако даже самый внимательный наблюдатель не находил ничего подобного. В твёрдом и уверенном «да», произнесённом обоими брачующимися довольно громко, нельзя было понять, кто из них больше радовался происходившему. Когда священник принялся поздравлять и нудно наставлять супругов, взгляд молодой женщины слегка затуманился, на радость подозревавших дурное, но это было лишь быстро мелькнувшее воспоминание...

Неопрятная неопределённого возраста гадалка широко разложила потёртые карты, склонилась над ними, помолчала угрюмо и изрекла весомо:

– На кладбище ступай. Там ждёт тебя твоя удача. Твоё богатство туда придёт. Он вдовец. Не гляди, что седой да старый, он здоров да силён. Любить тебя будет очень... и ты, – удивлённо прибавила она, – и ты его полюбишь. Счастлива с ним будешь...

Не солгала гадалка, довольна осталась своей семейной жизнью госпожа Головина. С гордостью посещала она лучшие дома столицы. Ничем не замарала чести своего мужа. Спокойно и достойно миновали

пятнадцать лет, прежде чем Головина скорбной вдовой вновь оказалась на кладбище. Она склонилась над свежей могилкой в подлинной грусти и совсем не заметила скромно одетого молодого человека, не сводившего с неё глаз.

– Муж? – вежливо спросил он.

– Муж, – вздохнула она, – совсем одна я осталась. Оба сына Аполлона Фёдоровича погибли. Дуэлянты безрассудные. Одна я осталась.

– Нельзя быть одной, – посочувствовал незнакомец....

Величественно шумела зелёная листва, неумолчно щебетали птицы, ветерок играл лентами шляпки....

Жизнь продолжалась. Молодой, обаятельный, но удручающе бедный встретил свою богатую вдовушку. Они взглянули друг на друга... и круг замкнулся.

Константин ШАБАЛДИН

Нововавилонск

Отрывок из повести «Перформанс для эльфийского сафари»

Утром погода была нелётная, туман. Хорошо хоть не горячий снег или дождь из кузнечиков, случалось в Междуморье и такое. Ёжась от зябкой сырости, Кривохмыл пытался поджечь кучку хвороста. Дракон, протирая заспанные глазки кончиками крыльев, глядел, как постепенно в тумане растворяются фигуры Наташи и Галвина с братьями.

– Сожрут они девку, – глубокомысленно изрёк Кайден.

– Будет брехать! – сердито сказал Кривохмыл. – Гоблины те ещё отморозки, но не до такой же степени.

– Ну, тогда трахнут, – заключил дракон и стал ворочаться с боку на бок, устраиваясь поудобней.

– И чего она с ними увязалась? – воскликнул Кривохмыл.

– Ты не понял? – удивился Кайден. – У неё же нет всех этих людских штук: смартфонов-телефонов, навигаторов-трансформаторов, раций-индустриализаций. Компаса у неё нет! А зов эльфов люди не слышат. Она тупо заблудится в пустыне.

Тяжело вздохнув, Кривохмыл подхватил помело и побежал догонять гоблинов. А дракон хмыкнул и, дыхнув пламенем, легко поджёл сложенный Кривохмылом хворост.

– Вот, – сказал Кривохмыл, когда догнал и подал Наташе помело.

– Спасибо, – вежливо сказала Наташа и спросила: – А что это?

– Это ведьмовское помело, – сказал Кривохмыл. – Оно само тебя прямо к эльфам примчит.

Наташа взяла помело и стала недоверчиво его рассматривать, а гоблины, как бы невзначай окружили буку плотным кольцом. Но Кривохмыл был к этому готов и потихонечку сжал в кармане Золотой Додека́эдр Це. Сфера Тихого Ужаса закрыла его с Наташей, и гоблины, писаясь в штанишки, захлопали соплями, заскулили, заплакали. Жалко было Кривохмылу тратить на них энергию Золотого Додека́эдра Це, но Наташу ещё жальче.

– Ой, – удивилась Наташа. – Чего это они?

– Стыдно им стало, – ответил Кривохмыл. – За бесцельно прожитые годы. Пойдём быстрее отсюда.

Он взял девушку за руку и потянул за собой обратно к озеру, а Наташа всё допытывалась:

– Это ты на них заклятие наложил? Они, по-моему, очень сильно перепугались. Но ведь буки не владеют заклятиями, они только рожей пугают! Ой, я хотела сказать – лицом.

– Какое уж там лицо, – пробурчал Кривохмыл. – Рожа – она и в Африке рожа. Как есть, так и говори.

– Но не владеют же буки заклятиями! – не унималась Наташа.

– Много ты знаешь...

– Я очень даже знаю, я магистратуру закончила как раз по магическим технологиям Срединного Междуморья.

– Магистратуру она закончила...

Кривохмыл торопился увести Наташу подальше от гоблинов, пока те не очухались, но всё же услышал за спиной подрагивающий от недавно пережитого страха голос Галвина:

– Эй, бука! Ты теперь ходи да оглядывайся. В моём шкафу для тебя места не будет!

Заклятие «пустого шкафа» было слабеньким, не так уж часто на самом деле буки в шкафах селились, но всё равно Кривохмыл почувствовал холод на оттопыренных ушах и зуд под ногтями. Дракон, всё ещё дремавший у костра, тоже почуял шлейф чёрной магии, встrepенулcя, хлопнул крыльями:

– С утра пораньше умудрился на проклятие нарваться? – поморщился он. – Из-за девки? Отбил всё же?

– Ты, Кайден, не переживай, – разозлился Кривохмыл. – Меня же прокляли, не тебя.

– Мне-то что, – примирительно сказал дракон. – Правильно, что отбил. Я, когда молодой был, тоже бывало, отбивал. А после мне отбивали, да. Ты вот только теперь подальше от меня держись, пока проклятие не разрядится. А то мало ли что.

– Да, пожалуйста! – воскликнул Кривохмыл. – Я, между прочим, в попутчики к тебе вообще не набивался.

Кайден выдохнул густой клуб дыма в утренний туман и глубоко вонзил когти в сырой песок. Кривохмыл торопливо зашарил в кармане, нащупывая Золотой Додека́эдр Це.

– Мальчики, не ссорьтесь, – строго сказала Наташа. – Никто никого не отбивал, просто любезный Кривохмыл подарил мне вот это чудесное помело, а любезному Галвину это почему-то не понравилось.

– Любезному, – передразнил Кривохмыл.

– Да, – с вызовом подтвердила Наташа. – Он мне ничего плохого, между прочим, не сделал. Ни он, ни его братья.

– Эх, девка, – пробормотал дракон. – Это ж гоблины.

– И они как раз идут сюда, – добавил Кривохмыл.

Действительно, туман рассеивался, и стало видно Галвина с Гвенном, которые подкрадывались, прячась в редком кустарнике. А Гверн, Гленн и Анстар маячили позади, размахивая короткими пращами. Настырные гоблины решили атаковать с дальней дистанции, разумно предположив, что магия Кривохмыла имеет ограниченный радиус действия. И не Наташа уже была нужна гоблинам, а хотелось им с букой поквитаться за пережитый позор, за обмоченные штанишки, за детский ужас перед букой. Ну и Наташу тоже им хотелось. Не сожрать, так хоть трахнуть.

– Закидают они нас каменюгами, – сказал дракон. – Линять надо.

– Всё Наташа, – сказал Кривохмыл. – Уже не до шуток. Решай – ты с нами или с ними?

– Конечно, с вами, – не задумываясь, ответила Наташа. – Только как же мы слиняем? Я на помеле улечу, Кайден на крыльях, а ты?

Кривохмыл мог развернуть сферу Тихого Ужаса метров на двести, но ох как не хотелось ему расходовать магический заряд Золотого Додека́эдра Це на дурацкую стычку с гоблинами. Ведь его ждут впереди сафари и перфоманс!

– Ты садись на помело, – сказал он Наташе, – а я на Кайдена сяду, он меня унесёт.

– Минуточку, – встрял дракон. – У меня встречное предложение. Наташа сядет на меня, а ты на помело.

– Вот ещё! – возмутился Кривохмыл.

Но тут первый залп камней, запущенный гоблинами, накрыл компанию. Целились, ясное дело, в буку, но досталось больше всего дракону. Потому что он больше. Один булыжник засветил Кайдену прямо в глаз, и дракон в ярости выдохнул струю пламени, но в сыром утреннем воздухе эффект оказался слабенький.

Наташа среагировала быстро и правильно. Швырнув помело Кривохмылу, она изящно вспорхнула на спину дракона, обхватила его чешуйчатую шею крепкими ножками. Кайден довольно ухмыльнулся,

взмахнул крыльями и легко поднялся в воздух. Следом на помеле взлетел бука, заложив над гоблинами крутой вираж. Гоблины пустили ему вслед пару камней, не попали и начали ругаться грязными словами. Кривохмыл не удержался и скорчил им на прощанье Жалкую Кислую Харю.

От стремительного набора высоты заложило уши, Наташа восторженно визжала, наслаждаясь мощным полётом дракона, Кривохмыл ревниво хмурился. Они летели над бескрайними дюнами Междуморья, и зов эльфов тонко звенел в сердцах дракона и буки, вёл к намеченной цели, к эльфийскому сафари, великому празднику мира и добра. Вот только чёрный плащ Кривохмыла так и остался валяться на сыром песочке возле озера, недолго красовался бука в новом плаще, а ведь два фунтовских рубля отдал за него всего неделю назад на ярмарке. Впереди уже виднелись крыши Нововавилонска, города бедового, но гостеприимного, со множеством постоянных дворов и дешёвых харчевен.

– Мне твоя чешуя попу колет, – пожаловалась Наташа.

– Надо было джинсы плотные надевать, – сердито пробурчал дракон.

– Не на прогулку собиралась, Междуморье тебе не парк культуры.

Кривохмыл отметил, что Кайден ничего не сказал про труссы, деликатный всё-таки парень, просто редкость для дракона. А Наташа спросила:

– Ты откуда про парк культуры знаешь?

– Чай не дикие, телевизор смотрим, – отозвался дракон.

Они приземлились на окраине, и сразу к ним подскочил молоденький эльф. На плаще защитного цвета у него была нашивка волонтера игры, а нарукавная повязка пестрела муниципальными штампами. Не кто попало.

– С драконами нельзя, с драконами нельзя! – закричал эльф, размахивая руками.

– Чё? – прохрипел Кайден, пригибая морду к земле.

Эльф побледнел. Тогда Кривохмыл солидно осведомился:

– В чём дело? С каких это пор благородному племени драконов заказан путь в славный Нововавилонск?

– Да не заказан, не заказан, – затараторил эльф, благообразно вставая так, чтобы между ним и возможной огненной струёй оказалась Наташа. – Чего вы сразу? Просто решением горсовета драконы на время сафари признаны транспортным средством и должны парковаться на специальной стоянке. Но там мест давно нет.

– Так, – сказал Кайден. – На стоянке, значить? Транспортным средством, значить?

– погоди, Кайден, – сказал Кривохмыл. – Стоянка платная?

– Да, – обречённо сознался эльф.

– Сколько? – спросил Кривохмыл.

– Восемь долларных копеек, – прошептал эльф.

– А кто у вас председатель горсовета? – как можно строже поинтересовался Кривохмыл. – И вообще, каков состав депутатов? Буки в нём представлены или хотя бы гоблины? Или одни только эльфы заседают?

– Можно просто заплатить штраф, – застенчиво сообщил тогда эльф. – Это дешевле, всего три фунтовских копейки.

– Штраф тебе, значить? – прорычал Кайден.

Наташе всё это надоело, и она сказала:

– Мальчики, не ссорьтесь, у меня есть деньги, я заплачу. Вот.

Она протянула эльфу пятерку, он, сильно покраснев, взял и задумался.

– Что? – спросил Кривохмыл.

– У меня сдачи нет, – совсем застенялся эльф.

На него было жалко смотреть, и Наташа сказала:

– Не надо сдачи. И квитанции не надо.

Эльф кивнул и поспешно сместился подальше, но совсем не ушёл. Видно было, что для него служебный долг превыше всего и он по-прежнему будет стоять на посту и сшибать копейки с прибывающих.

– Это ж сколько они бабла поимеют, если весь город оцепили и вот так с каждого тянут? – вопрошал возмущённый Кайден, когда они пробирались сквозь уличную толчею в поисках харчевни.

– И налог ведь не заплатят, – поддержал Кривохмыл.

– Ежегодное сафари – единственный источник дохода для бюджета Нововавилонска, – заступилась за горожан Наташа. – У них после Толпомешания никакого производства не осталось. Студентов, как в столице, у них тоже нет. Только контрабанда и туризм. Но с контрабанды в горсовет ничего не перепадает, а туризм весь как раз во время сафари.

– Горсовету не перепадает, говоришь? – усмехнулся Кайден. – Наивная ты душа. Вот у меня зять на таможенном посту в Новокарфагенске служил, так он рассказывал, что у них...

– А мне вот всегда непонятно было – почему сафари в Новокарфагенске проводят, если в Нововавилонске народу больше и расположен он удобней? – Кривохмыл прервал Кайдена дурацким вопросом, не желая, чтобы дракон при Наташе разбалтывал секреты Междуморья. Она девушка очень милая, конечно, но всё же – человек. Да ещё и человек, интересующийся запредельной магией. А это странно.

– Новокарфагенск – столица же, – сказала Наташа.

– А почему вот столица в Новокарфагенске, а не в Нововавилонске? – продолжал придуриваться Кривохмыл. – Странно же это.

– У нас в Междуморье всё странно, – резонно заметил Кайден, и дискуссия закончилась.

Уличный торговец сладями, завидев компанию, громко продекламировал:

– О, путник, отправляясь в путь, не запасайся как-нибудь. Купи халву и козинак, орехи, карамель, цукат. Вот варенье – восемь центов, вот повидло за шесть центов, за пастилки – только три: осторожнее грызи! – и Наташу оказалось невозможно оттащить от лотка.

Она съела ломоть кунжутной халвы, измазалась синим шоколадом и запила всё холодным кислым чаем. Потом ещё взяла большой кувшин щербета и апельсиновый коржик. Кривохмыл перекусил слоёными пирожками с земляничным вареньем, а Кайден жутковато раздувал ноздри, принюхиваясь к запаху шашлыка.

– Ты, девка, эдак годам к тридцати вот такую жопу наешь, – дракон показал когтистыми лапами – какую именно жопу наест Наташа к тридцати годам.

– Не твоё дело, – сердито пробурчала Наташа и со вздохом положила обратно на лоток каравай медовой коврижки. Лоточник взглянул на Кайдена с укоризной, а Кривохмыл подумал, что дракон есть дракон, грубость для него органична, а хамство всегда будет граничить с сентиментальностью.

Потом Наташа не смогла пройти мимо кукольного представления, которое ушлые гномы разыграли прямо в окне жилого дома. Разыгрывали, само собой историю возникновения Междуморья. Что было до Толпомешания и что будет, если ослабнет сила великих чародеев. Кривохмыл, как и все в Междуморье, знал сюжет с детства. Как магам Былых Времени стало тошно жить среди людей, дышать бензиновой гарью и вкушать синтетический протеин, как заключили они Великий Договор о суверенной территории и ушли Междуморье. И как потянулись за ними все народы не человеческой расы, и случилось Столпотворение, мор и глад великие. И как вечноживущий Синергеч-Боп с другими великими наложил заклятие благоденствия на Междуморье, а эльфам велел каждый год проводить великий праздник. И покуда будет праздник, будет благоденствие. С тех пор эльфийское сафари стало главным событием всей страны, а всё Междуморье – туристической зоной для людей, уставших от своей вонючей цивилизации.

Несмотря на знакомую фабулу, Кривохмыл поневоле увлёкся спектаклем. Это и в самом деле было забавно: глиняные фигурки двигались силой гравитационной магии, и действие происходило в трёх плоскостях. А выточенные из самоцветов персонажи великих магов, которые появились ближе к финалу, поражали тщательной, ювелирной проработкой деталей. Наташе так приглянулась аметистовая фигурка, изображающая Синергеч-Бопа, что она попыталась выторговать её у гномов. Предлагала целый долларный рубль, но гномы упёрлись – «не продаётся». На взгляд Кривохмыла малахитовый Бурлодив был гораздо элегантней.

Гномы, отшив Наташу, смели фигурки с подоконника и собирались уже захлопнуть ставни, но девушка не унималась:

– А кто автор пьесы? – спросила Наташа.

– Какой там автор, история известная, фольклор, так сказать, – ответил гном, который озвучивал Синергеч-Бопа. Он даже внешне походил на великого мага – такой же бородастый, густобровый и зычный.

– А почему вы денег за представление не берёте? – наседала Наташа.

– Муниципалитет оплачивает.

– И много платят?

– Иди, девка, кино уже закончилось.

– Нет, правда, сколько платят? Я, может, тоже хочу артисткой быть!

Наташа так увлеклась, что почти по пояс влезла в окно гномьего домика, и тогда сверкающая аметистовая фигурка Синергеч-Бопа, движимая гравитационной магией гномов, взлетела в воздух и тихонечко стукнула Наташу в лоб. Девушка ойкнула и отскочила. Ставни, лязгнув петлями, захлопнулись. Наташа с обиженным видом приложила ко лбу прохладный кувшин со щербетом.

– А ты как хотела, детка? Это Междуморье, здесь и в глаз могут дать, – насмешливо прокомментировал Кайден.

Кривохмыл хотел утешить Наташу, но она только хохотнула и пустилась во все тяжкие.

Она:

1. Два раза прокатилась на колесе обозрения (Кривохмыл сидел рядом в кабинке, а Кайден парил в воздухе).

2. Стреляла в тире из эльфийского лука (иногда даже попадала в мишень).

3. Три раза прокатилась на гоблинских горках, истошно визжа от восторга (Кривохмыл и Кайден терпеливо дожидались внизу).

4. Посетила комнату смеха, где несложными чарами феи на короткое время придавали посетителям нелепый вид (Кривохмылу не понравилось – его сочли и без того достаточно нелепым и не стали очаровывать).

Уже ближе к вечеру направились на поиски места для ночлега. Гоблины, после эльфов, разумеется, самый многочисленный народ Междуморья, населяли Нововавилонск весьма плотно, у Галвина могли здесь найти друзья-приятели, а значит, надолго задерживаться было рискованно. Поэтому комнату в маленькой гостинице сняли только на ночь. Наташа, не слушая возражений Кривохмыла, сама расплатилась с хозяйкой, пожилой эльфийкой. Кайден отправился на базар за жареной бараниной, а бука с девушкой заказали еду в номер. Маленький одноместный номер.

– А двухместных номеров у нас отродяся не водилось, – сказала эльфийка. – И такой – скажите спасибо, что есть. Весь город приезжими

забит, все на сафари, как пчёлы на мёд. И на ужин только тушёные овощи. На завтрак – жареная рыба. А дракон, когда нажрётся, может в гараже заночевать, карету я в аренду сдала, пустует гараж.

В маленькой комнатке стояли шкаф, стол, стул и узенькая кровать.

– Я могу и на полу спать, – мужественно сообщила Наташа. – А ты на кровать ложись.

– Нет уж, спасибо, – сказал Кривохмыл. – Я вот в шкафчике прилягу, мне там уютней.

И Кривохмыл широко зевая, потянул на себя тяжёлую на вид дверцу шкафа, а она неожиданно легко распахнулась и преобольно треснула его по роже. Сработало гоблинское проклятие Галвина.

Содержание

Семён АГЕЕВ	
Праздник Светлячков.....	3
Галина ГРИГОРОВСКАЯ	
Луна, вид сзади.....	10
Светлана ГУМЕННИКОВА	
Новая шукура.....	13
Артём ДУДАРЕНКО	
Задержание.....	15
Наталья ЖИЛЯНИНА	
Канцелярия.....	20
Сергей ЗАГНУХИН	
Немного о лесах, грибах и волхвах.....	23
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Мама, здесь камни поют.....	33
Время на ладонях.....	42
Стас КИСЛИЦЫН	
Рыбалка в аду.....	45
Наталья КОЛЕСОВА	
Рецепт Мариссы.....	50
Интервью в группе «Для тех, кто любит читать фэнтези».....	53
Олег НЕСТЕРЕНКО	
Рыцарский подвиг в Першанделе.....	55
Юрий СОКОЛОВ	
По пути к хоулу.....	60
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
Замкнутый круг.....	67
Константин ШАБАЛДИН	
Нововавилонск.....	72

Литературно-художественное издание

Время на ладонях

Проза «Контакта»

*Составление, вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложке – картина Марины Колотвиной
(Круг Чистых, Новокузнецк)

Марина Колотвина. Древо. 2006. 50,3 x 45,2. Холст, акрил.

Тираж 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»